

Прерывистые линии

Часть первая

Золотистая на оранжевом

■ Наконец поезд замедлил ход и остановился. Я спрыгнул на перрон; ты положила мне руки на плечи и шагнула вниз с высокой ступеньки; я подхватил тебя, ты оправила юбку, проводник подал чемоданы, *arrivederci signora arrivederci signor, la desidero tempo piacevole in Quinto*,¹ поезд медленно тронулся и покатил вдоль перрона, открывая пустынный раскаленный солнцем вокзал; носильщик положил чемоданы на тележку, вытер пот, и мы пошли за ним к выходу. Точнее, ты пошла к выходу, чуть-чуть покачиваясь на высоких каблуках, а я остался стоять на перроне возле большого щита с крупной надписью "Ogario"² и хорошо видел, как носильщик, то и дело оглядываясь на тебя, катит на своей синей тележке наши чемоданы, как ты идешь вслед за ним, отставая на несколько шагов и улыбаясь, и как я иду рядом с тобой, улыбаясь тебе в ответ и обняв тебя за плечи. Я видел, как мы с тобой прошли через маленькую площадь, расплатились с носильщиком и взяли такси; как ты села на переднее сиденье рядом с таксистом, сдвинув наверх темные очки и закинув ногу на ногу; как таксист без перерыва рассказывал о Лигурии, отворачиваясь от дороги и заглядывая тебе в глаза, а потом заставил тебя взять карточку с его телефоном, *signora non esitare per chiamarme qualunque tempo, avere una sera piacevole signor*;³ как мы вышли из такси перед отелем, прошли через сад и вошли в вестибюль. Номер был готов; я видел, как мы поднялись по широкой деревянной лестнице на четвертый этаж, как я открыл дверь тяжелым старым ключом с искусно вплетенной в рукоять буквой "Q", как ты сбросила на ковер туфли и юбку, стянула через голову блузку и кинулась в душ, а я распахнул окно и смотрел на красные крыши домов, зеленые верхушки кипарисов и белые очертания облаков, смотрел до тех пор, пока не услышал шаги за спиной и не почувствовал, как ты обнимаешь меня

¹ До свидания, синьора, до свидания, синьор, желаю вам приятного времяпрепровождения в Квинто (итал.).

² Расписание (итал.).

³ Синьора, не стесняйтесь звонить в любое время; желаю вам приятного вечера, синьор (итал.).

за плечи, прикасаясь ко мне грудью. Отсюда, с перрона, мне был хорошо виден темный, дрожащий в жарком полуденном небе прямоугольник окна с твоей светлой фигурой посередине, мокрые блестящие на солнце волосы, закинутае за голову руки, закрытые от яркого света глаза. Ты высунулась наружу по талию, подтянула к себе створку жалюзи и шагнула от окна в полумрак комнаты, оставляя два мокрых пятна на подоконнике и разворачивая затуенное вокруг бедер полотенце; твое лицо приблизилось, заслонив собой окно; перрон завертелся и унесся неизвестно куда, и ты вернулась ко мне.

Наша гостиница стояла на склоне недалеко от пляжа. Город сбегал к морю с отлогих заросших лесом гор; крошечные, едва различимые снизу, домики робко появлялись тут и там, высоко среди зелени; ниже по склону к ним присоединялись другие; потом домов становилось больше, они весело бежали вниз, сверкая светлыми стенами и образуя ручьи; еще ниже появлялись улицы, все больше и больше, они сливались в реки и стремительно неслись дальше; потом склон становился положе, движение замедлялось, дома начинали тесниться, громоздясь друг на друга, и сходились в один неспешно текущий поток; увеличиваясь в размерах и обрастая деталями, двух-, трех-, четырехэтажные строения медленно скользили к морю по еле заметному склону, соединялись в кварталы, рассыпались на улицы и площади; колокольня возвышалась над изломанной поверхностью крыш, обозначая центр; рядом поднималась островерхая башенка вокзала с надписью "Quinto al Mare" под ней; ставшие огромными дома высились над головами, закрывая небо, они с трудом ползли по неожиданно плоской поверхности, пока в конце концов не упирались в четкую линию набережной; движение прекращалось, остановленное цепью скал, о которые разбивались волны.

Держались теплые ясные дни; начинался июль; по утрам я открывал окно, и ворвавшийся в комнату свежий ветер подхватывал меня и уносил к морю. Я пролетал над верхушками пальм, изгибами крыш, изломами стен; утренний экспресс Ливорно — Генуя с шумом пронесся внизу, и я несколько минут раскачивался на расходящихся от него волнах; узкие ущелья улиц были заставлены лотками, и солнце сверкало на мокрых мостовых; я видел торопящихся куда-то покупателей, до меня доносились громкие крики продавцов; над площадью летали голуби, и мне приходилось следить за движениями, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из них; еще один ряд домов, серая линия скал, и море оказывалось прямо подо мной, переливаясь на солнце и темнея пятнами водорослей; я делал плав-

ный поворот, пронеслся над водой, постепенно снижаясь, и мягко приземлялся на песок посередине маленького пляжа. Какое-то время я лежал с закрытыми глазами, привыкая к неподвижности, затем переворачивался на спину, доставал из рюкзака полотенце, стягивал шорты и майку и шел к воде, а потом долго лежал на горячем песке, дожидаясь тебя. Я замечал тебя еще на набережной; ты шла вдоль парапета, высоко подняв голову, и золотистые волосы рассыпались по твоим округлым плечам. Ты спускалась на пляж, снимала туфельки, проходила несколько метров по песку, наклонялась, чтобы поцеловать меня в губы, и мы шли купаться. Мы переходили границу берега с морем и возвращались на родину. Теория о выходе животных из океана на сушу превращалась в расхожую истину; вынесшие нас на берег волны ласкали наши тела, соленая вода обволакивала со всех сторон, границы кожных покровов исчезали, и мир становился частью нас самих, каким он был когда-то; так прошло лето.

■ В сентябре я начал читать в университете курс астробиологии. После биохимических основ жизнедеятельности мы перешли к строению небесных тел; звезды, галактики, межзвездный газ, происхождение химических элементов, зарождение Солнечной системы, планеты, атмосферы, условия возникновения жизни. По вторникам занятия проходили в планетарии; тихо играла музыка, небесные тела загадочно серебрились над головой; примерно в это же время ты приезжала в госпиталь и переодевалась в своем кабинете, напевая "Italiano vero"¹ и аккуратно развешивая одежду по плечикам; тускло светящаяся Вселенная медленно поворачивалась в вышине, и я видел, как твое тело небесно серебрится над головой недалеко от Большой Медведицы. Жара никак не спадала; ты надевала белый халат прямо на тонкие трусики, взглядывала на себя в зеркале, брала со стола несколько приготовленных накануне папок и выходила в коридор строгой походкой врача с международной известностью. Из всех цветов ты больше всего любила свой родной оранжевый, и сидящие на стульях в ожидании приема мужчины иногда замечали, как твой яркий стринг слегка просвечивает сквозь плотную белую ткань прямо у них перед глазами. Обычно это происходило, когда я молча стоял в темноте, ожидая, пока студенты сделают записи, но если ты заставляла меня на середине предложения, мне приходилось запнуться на полуслове, налить стакан воды и медленно выпить его долгими глотками, чтобы вернуться из длинного белого коридора в высокий темный зал и взять себя в руки.

¹ "Настоящий итальянец" (итал.)

Пожалуй, этой осенью я впервые по-настоящему заинтересовался Титаном. Спектральные данные удивили не только меня, а фотографии просто ошеломили. Сверкающие золотом пятна, рассыпанные по красно-оранжевой поверхности, свидетельствовали в пользу высоких концентраций углеводородов; укутанные в многокилометровую толщу азота и пронизанные электрическими разрядами, они удивительно походили на ту странную смесь, откуда, согласно Миллеру и Юри, и появились мы с тобой. Что-то неясное, еще не умеющее думать, но уже живое, возникало где-то глубоко под оранжевым слоем облаков и стремилось быть замеченным с расстояния в тринадцать миллионов километров. Еще было тепло, шли дожди, и мы лежали в постели под звуки падающих на асфальт капель, глубоко погрузившись друг в друга; капли стекали и падали, растворяясь в наших телах, и что-то живое возникало в красно-оранжевой глубине.

■ В октябре погода наконец испортилась, в гостинице стало неудобно, и мы сняли просторную квартиру на виа Джанелли. Окна комнат выходили на юг; солнце светило через стекла, рассекая пространство пыльными лучами. Багаж привезли через несколько дней; грузчики вносили мебель, расставляя ее по местам, и гулкая пустота чужих комнат постепенно принимала знакомые формы. Большая комната прямо от входа наполнялась стульями, столиками и креслами, превращаясь в нашу гостиную; в проходной комнате справа рядами выстраивались книжные шкафы; заполняясь книгами, они превращали бесформенное пространство в прочитанную вдоль и поперек библиотеку; широкая постель и высокий шкаф со шторами вместо дверей занимали маленькую комнатку рядом с ванной почти целиком, делая ее нашей спальней. Разложенный по ящикам, заклеенный и надписанный, наш дом неспешно возникал вокруг нас, и мы возвращались домой.

Мы были заняты обустройством еще какое-то время, а потом поехали к тебе на родину по случаю рождественских каникул. В Бреде было холодно, шли дожди, и мы гуляли вокруг крепости под большим зонтом, а потом обедали в дешевом ресторанчике недалеко от собора. Еда была простой и вкусной; ты заказывала фасоль и жареную макрель, а я брал бифштекс и вареный картофель. Мы запивали обед "Хайнекеном" в больших запотевших кружках, а в конце заказывали раппекоекен¹ и кофе. Вечерами мы чаще всего бродили по старому городу, Grote Markt, Kasteelplein, Cingelstraat, Veemarktstraat, висящий в воздухе дождь, жел-

¹ Блинчик (голл.).

тые пятна фонарей, блестящие камни мостовой, Ballantines, Jack Daniels или Johnny Walker в каком-нибудь баре, а потом шли танцевать или просто слушать музыку в джаз-кафе, Fats Domino, Count Basie, Nat King Cole, высокие стаканы для коктейлей, брошенные на столик трубочки, изнурительный ритм рок-н-ролла, моя рука, постоянно ищущая твою руку, и твоя рука, постоянно оказывающаяся в моей руке. В кафе сразу за стойкой была маленькая комнатка с надписью "Privé",¹ которая никогда не запиралась; ключ был вставлен в дверь изнутри. Ты сказала мне об этом, когда мы пришли сюда в первый раз, и потом каждый вечер, осторожно, предварительно убедившись, что там никого нет, мы проскальзывали внутрь, запирали дверь и любили друг друга в узком пространстве между пустыми пивными ящиками; было заметно, что ты хорошо знаешь это место и прекрасно ориентируешься в темноте, уверенно раскладывая вещи по невидимым мне полочкам, было заметно, что ты хорошо знаешь его, но я не хотел знать, почему.

Когда мы вернулись, в Квинто уже вовсю шли дожди; так продолжалось всю зиму. Выходные тянулись долго, и я наконец—то собрался посмотреть, как ты устроилась в госпитале. Ты была постоянно занята с больными; инсульты превратились в одну из основных причин смертности в Европе, и у тебя хватало работы. Стенки артерий утолщались постепенно, на доли миллиметра в год; спустя десятилетия обеспечивающий движение крови просвет уменьшался до такой степени, что его закупорка оказывалась неизбежной. С инженерной точки зрения, артерии, вены и капилляры представляли собой обычный водопровод, а человеческое тело было той редкой системой, в которой его отказ мог иметь фатальные последствия. Ты занималась ремонтом водопровода на ходу; как и подобает профессиональному сантехнику, ты удаляла отложения с внутренней поверхности труб, меняла клапана, прочищала засорившиеся участки. Станным образом едва заметные невооруженным глазом изменения в толщине артериальных стенок обладали способностью перемещать больных в пространстве и времени, отправляя их в недоступные тебе миры и навсегда оставляя в прошлом. Твоя работа состояла в том, чтобы задержать их здесь и дать им будущее.

 Гипотеза о наличии на Титане условий, пригодных для возникновения жизни, была достаточно безумной, чтобы оказаться верной. Мы сделали расчеты, которые многое объясняли, но их нельзя было прове-

¹Частная собственность (голл.).

рить даже с десятиметровым телескопом Кека; "Kuiper" существовал еще только в чертежах, и мне приходилось путешествовать в одиночку. Я надевал скафандр — температура в минус 181 градус по Цельсию плохо подходила для прогулок в обычной одежде, вешал на спину баллон с кислородом — азотно-метановая атмосфера не вполне годилась для дыхания, прикреплял к поясу фонарик — даже днем на поверхности Титана света было в тысячу раз меньше, чем на Земле, хотя и в триста пятьдесят раз больше, чем на Земле ночью, — и отправлялся в путь. Я шел по ровной покрытой льдом поверхности; составленная Колбриджем подробная карта Ксанату похрустывала в заднем кармане. "Where Alph, the sacred river, ran Through caverns measureless to man Down to a sunless sea".¹ Над застывшим континентом висел тонкий пурпурный туман, блестели языки ледников, далеко на юге дрожали над горизонтом метановые облака. Я пересек небольшую возвышенность; сверху была хорошо видна темная гладь широкой углеводородной реки; я прошел мимо озер с этаном, пропаном и ацетиленом и направился к гряде невысоких холмов, которые виднелись неподалеку в метановой дымке; меня заинтересовало то, что холмы образовывали странную фигуру, похожую на кошку; шел стылый дождь, и затаенное низкими тучами небо слабо светилось над головой.

Вернувшись обратно, я делал записи, обдумывал то, что увидел, и время от времени звонил отцу, чтобы лучше представить себе физику образования облаков и туманов. Мы часами обсуждали свойства Титана на семинарах, вечерами я подолгу сидел за компьютером, просчитывая разные варианты строения атмосферы, а когда ты засыпала, часто разговаривал с Гюйгенсом и Кассини. Мы долго спорили о жизни в других мирах; Гюйгенс настойчиво убеждал нас в существовании обитаемых планет, цитируя свой "Космотеорос"; я внимательно следил за ходом его рассуждений, иногда делая пометки в блокноте, а Кассини только иронически улыбался в ответ. Еще бы, ведь именно его, а не Гюйгенса, Людовик XIV пригласил руководить новенькой обсерваторией, только что построенной на окраине Парижа за Люксембургским садом; к тому же Кассини был на четыре года старше. Иногда Гюйгенс приходил прямо с заседаний Королевского общества; облаченный в роскошную мантию, он рассказывал по моему кабинету, слушая доводы Кассини о геоцентрическом строении Солнечной системы. Мне было любопытно наблюдать с расстояния в триста лет, как блистательный первооткрыватель Красного пятна упорствует в своих пред-

---

¹ "Где Альф, священная река, бежал сквозь тьму пещер издадека, вниз к темному морю". Сэмюэль Колбридж, "Кубла Хан" (англ.).

ставлениях о Земле как центре мироздания. Гойгенс приходил в необычайное возбуждение и приводил довод за доводом, ссылаясь на Коперника и Галилея, но Кассини не желал соглашаться с аргументами своего подчиненного: ведь Гойгенс работал под началом Кассини в течение многих лет. Титан был единственным, что не вызывало у них расхождений: и математик из Гааги, и астролог из Ниццы были твердо уверены в том, что жизнь там невозможна. Гойгенс, первым увидевший Титан с Земли, не мог допустить существования жизни в Солнечной системе на таком удалении от Солнца, а Кассини, добавивший Сатурну еще четыре спутника и щель между кольцами, просто не верил в другие миры, кроме земного.

В начале лета я уехал на Гавайи; на Мауна Кеа только что установили новый спектрограф; качество фотографий было необычно высоким, и мы подолгу просиживали в обсерватории, обсуждая последние результаты. Под оранжевыми облаками проступал метановый океан, углеводородные дожди падали на золотистые континенты, и я неделями вдыхал этот странный воздух, почти не выходя наружу. Белые башенки телескопов стояли на самом гребне, застывшая лава спускалась вниз черными кругами, и облака висели над океаном у самого горизонта. Оттуда, сверху, мне хорошо было видно тебя; я видел, как ты просыпаешься в нашей постели на виа Джанелли, откидываешь одеяло, обнажая свое загорелое тело; солнце уже бьет прямо в окна, и в спальне жарко; ты встаешь, распахиваешь окно и несколько секунд смотришь вниз на город, прикрывая грудь руками, а потом разворачиваешься и идешь в душ, чуть-чуть подрагивая бедрами; у тебя крепкая стройная фигура уроженки Северной Европы, сильные руки, плотная талия, немного тяжелые бедра; я вижу, как ты открываешь краны, с наслаждением забираешься под теплую воду, аккуратно намыливаешься, снимаешь со стены душ, смываешь пену, тщательно моешь внизу живота, немного расставив ноги; короткие жесткие струи касаются тебя там, и тебе это приятно; ты возвращаешь душ на место, закрываешь краны и оказываешься на мохнатом коврик перед большим зеркалом; ты потрясающе выглядишь в зеркале, бронзовое лицо, круглые плечи, крупные белые груди, капли падают на пол с золотистых волос; ты понимаешь это, и тебе это нравится; какое-то время ты внимательно смотришь себе в глаза, потом осторожно касаешься сосков обеими руками, захватываешь их пальцами, чуть-чуть оттягиваешь и тут же отпускаешь; я вижу, как ты повторяешь это несколько раз, потом проходишь в комнату, падаешь на спину поперек постели, не отпуская сосков, и кладешь руку туда, где к тебе только что прикоснулись короткие жесткие струи; ты

остаешься в таком положении несколько долгих минут; я не могу оторвать взгляд от того, как вибрирует твое тело; наконец ты вздрагиваешь, резко изгибаешься мне навстречу, замираешь над простыней на несколько секунд с громким стоном и обессилено падаешь на спину, успевая увидеть меня над собой и не отнимая руку от тела.

 Я вернулся в Квинто в конце июня. Стояли лучшие летние дни; в густом вечернем воздухе было все, что нужно для счастья, — запахи магнолий, акаций и крокусов, шум невидимых волн, пение цикад, аромат крепкого кофе, далекие аккорды фортепиано, звуки песен на чужом языке; в некоторых магазинчиках на набережной можно было купить заполненные этим воздухом консервные банки, которые запаивали прямо при вас; утреннее небо было безоблачным, море — безупречно гладким, и мир достигал совершенства. В такие минуты время превращалось в пространство. Впитывая в себя проходящие дни, высокое небо Италии становилось бесконечным; квазары, пульсары и диски горячего газа, стремительно вращающегося вокруг черных дыр, можно было увидеть невооруженным глазом; бесконечно далекие нейтронные звезды оказывались рядом с медленно перемещающимися над головой метеорологическими спутниками. Утекающее в пространство время почти останавливалось; секунды оказывались часами, минуты превращались в дни, и солнце подолгу висело прямо над нами, не давая уснуть по ночам.

Наверное, мы начали ссориться именно из-за солнца. Мы никогда не ссорились так бурно, как тем летом; я хорошо помню, когда после очередной нашей ссоры ты хлопнула дверью и вышла в город в этих облегающих джинсах с двумя широкими вырезами на месте задних карманов, которые ты до того одевала только для меня, когда мы оставались дома вдвоем; твои круглые белые ягодицы подрагивали в такт шагам, выдавливаемые наружу плотно прилегающей тканью, и у всех останавливающихся проводить тебя взглядом мужчин перехватывало дыхание и становилось тесно в брюках, потому что никто из них в своей жизни никогда не видел ничего подобного. Ты шла по середине улицы, гордо поднимая голову, как будто ничего не случилось, твои распущенные волосы неслись за тобой, развеваемые западным ветром, твои прелести колыхались над мостовой, и у тебя в глазах было такое, что самые отчаянные повесы не решались заговорить с тобой. Ты спустилась на пляж, прошла к воде, стянула с себя рубашку и брюки, швырнула на песок лифчик, прыгнула в воду и поплыла к горизонту. Когда ты вышла из воды, уже было темно, но на пляже тебя

ждали несколько человек с фотокамерами; на завтра в местных газетах появились несколько возмущенных статей о нарушении общественной нравственности дерзкими иностранцами; правда, статьи не были проиллюстрированы фотографиями; этим дело и обошлось, но я еще долго замечал, что мужчины как-то особенно смотрят на тебя во время наших вечерних прогулок.

Очевидно, Алька появился у тебя внутри в Лидо ди Венеция вскоре после этой истории; мы остановились в уютной гостинице на морской стороне и занимались любовью по три раза в день, не особенно предохраняясь; октябрь только начинался, на солнце было тепло, и я плавал недалеко от берега в прохладной осенней воде, а ты лежала на песке с закрытыми глазами, а потом задумчиво любила меня в еще не закрытых на зиму домиках прямо на пляже. Плотно сбитые деревянные стены хорошо защищали от ветра, на закрытой с трех сторон веранде было жарко, и я лежал на теплом деревянном полу, щурясь от солнца, а ты ритмично поднималась и опускалась надо мной, постанывая от удовольствия и притягивая любопытные взгляды пожилых пар, неспешно прогуливающих по песку возле воды. Невидимый Титан сиял прямо над нами в соединении с Солнцем, и холодные молнии пронизывали его оранжевые облака, ударя в ледяные вулканы.

Целый месяц о появлении Альки не знал никто, кроме него самого; он регулярно отправлялся с тобой в госпиталь по утрам и так же регулярно по вечерам возвращался обратно, а по выходным ходил с нами за покупками, валялся на пляже и купался у самого берега; потом об этом узнала ты, забежав на несколько минут к своему врачу по дороге домой с работы, а еще через несколько минут и я, подняв трубку телефона в своем кабинете. Ты носила Альку с собой всю зиму, весну и половину лета; он участвовал в совещаниях по обсуждению состояния особо тяжелых больных, вникал в детали новых методов борьбы с последствиями инсультов, прогуливался по набережной в солнечные дни, прислушивался к шуму прибоя, ходил в кино по выходным, ездил на выставки в Милан, Рим и Флоренцию, танцевал на джазовых концертах, сидел в приморских кафе, раскачивался на балконе в плетеном кресле, а последние два месяца неподвижно лежал на широкой постели, осторожно спускался по лестнице и долго отдыхал на скамейке в саду. Первое время он вел себя тихо; наверное, ему еще нечего было сказать, но по мере того как он рос, у него постепенно складывались свои мнения, которые он проявлял, постукивая по тебе изнутри. К августу он

стал настолько независим, что перестал нуждаться в тебе; машина скорой помощи повезла тебя через спящий город, бесшумно сверкая синими лампами, и его самостоятельная жизнь началась. Тогда он еще не знал, что это произойдет с ним еще раз примерно через восемнадцать лет.

Мы расписались, когда Альке исполнилось четыре года. Ты непременно хотела венчаться в церкви; роскошное белое платье, шляпка, вуаль, гости в строгих костюмах, низкий голос священника, звуки органа, блики солнца в витражах. Мы выбрали Hochzeitskirche¹ на берегу Альстера в Гамбурге; когда-то там венчались твои бабушка с дедушкой. Собрались друзья, твои родители приехали из Голландии, отец с мамой прилетели поздравить нас из Одессы. Когда мы вошли в церковь, орган уже звучал, заполняя собой все пространство. Тяжелые низкие звуки медленно поднимались вверх, собираясь в массивные колонны; плавные арпеджио висели над ними, складываясь в потолок; замысловатые соло расписывали купол причудливыми узорами красок; вибрирующие аккорды вставляли по бокам гулками выемками капелл; быстрые всплески стаккато дрожали горящими в полутьме свечами; высокие ноты поднимались вверх невидимыми в темноте стенами; звучащий в вечернем воздухе собор возвышался перед нами, поражая идеальными пропорциями и удивляя слух; одетый в темное органист кланялся, привстав со своего места, и когда гости наконец вставали и, зашумев, начинали идти к выходу, немисливо расписанный потолок внезапно тускнел, свечи гасли в апсидах и казавшиеся незыблемыми стены неслышно обрушивались по краям, оставляя нас наедине друг с другом, тебя со мной и меня с тобой.

Вскоре после того, как Алька пошел в школу, тебя назначили руководителем исследований; в твоём подчинении оказались три лаборатории, и ты часто работала допоздна. Ваши работы по активатору плазминогена привлекли внимание; постинсультное восстановление улучшилось почти вдвое, тебя начали приглашать с докладами на конференции и конгрессы, ты часто уезжала, и мы с Алькой подолгу оставались вдвоем. В такие дни наши с ним жизни вращались вокруг общего центра тяжести; мы вставали рано, я отвозил его в школу и ехал в университет; днем мы встречались дома, чтобы пообедать, он возвращался из школы на автобусе, а я приезжал на полчаса из университета; обычно я работал до шести, а потом бежал за покупками, готовил ужин, делал с Алькой уроки и, когда он уже засыпал, писал при неярком свете настольной лампы или читал Павича, Уэльбека

¹Свадебная церковь (нем.).

или Мураками. В выходные мы ходили на пляж, гуляли, играли в настольный теннис, смотрели телевизор, иногда выбирались в кино; я покупал газеты в киоске на углу, Die Zeit, Le Monde, The Guardian, иногда Corriere della sera и просматривал их за завтраком, Алька разглядывал заинтересовавшие его фотографии, и мы обсуждали последние новости — войну в Ираке, расширение EU, землетрясение в Калифорнии, исчезновение английских нефтяников. В нашей системе двойной звезды моя жизнь, все еще быстро вращающаяся, но уже начинающая стареть, уравновешивалась его жизнью, пока еще медленно поворачивающейся и очень молодой, но уже начинающей неуклонно ускорять свое вращение. Соблюдение этого равновесия требовало аккуратности от нас обоих, иначе излучаемый нами свет превращался в беспорядочный поток не зависящих друг от друга квантов; такая несогласованность вызывала дискомфорт у окружающих, и нам приходилось сосредоточиваться друг на друге, чтобы вернуть нашу жизнь в устойчивое состояние. Все менялось, когда ты возвращалась домой; нас становилось трое, и равновесие нужно было искать заново. На это требовалось время, с каждым разом все больше, поскольку твои отлучки становились все длиннее; наши жизни вращались без остановок, и мы отлаживали систему на ходу, постоянно ощущая взаимные притяжения и отталкивания; мы не были стары, у нас хватало времени и сил, и в конце концов, нам удавалось добиться своего; наша система тройной звезды начинала испускать сильный ритмично меняющийся золотисто-оранжевый свет, хорошо заметный издали и привлекающий знакомых и незнакомых.

Пожалуй, это были наши самые счастливые дни. Мы жили втроем на виа Джанелли, а когда становилось жарко, уезжали на дачу в Стрезу. Осенью и весной мы гуляли по набережной, иногда купались и играли в футбол на песке; зимой открывали окна в теплые дни и расжигали камин в непогоду; летом катались по озеру в лодках, загорали и плавали наперегонки целыми днями; по вечерам ты обычно шла в дом, а я оставался в саду и при свете керосиновой лампы читал "Три счастья дона Диего". Любитель астрономии, дон Диего считал, что жизнь имеет интуитивное измерение, уходящее бесконечно далеко вверх, что человечество накрепко связано со вселенной и что счастье возможно только очень высоко над землей. "Чем дальше отрываешься от земли, тем глубже погружаешься во вселенную", любил повторять он; впервые прочитав эту фразу, я положил ее в карман и носил с собой несколько дней, изредка притрагиваясь к ней пальцами; карман заметно провис, и друзья спрашивали, что это я ношу с собой все время, не револьвер ли, и не опасаясь ли я кого-нибудь; на четвертый день,

когда ткань начала расходиться, я спустился на пляж, встал лицом к морю, опустил руку в карман и аккуратно вытащил фразу наружу. Гладкая и тяжелая, она неподвижно лежала на моей ладони, тускло поблескивая на солнце; я крепко зажал ее между большим и указательным пальцами и изо всех сил запустил вверх, стараясь запомнить ощущение, с которым она выскользнет из руки, а потом повернулся и пошел назад к набережной; я не услышал всплеска, а это означало, что дон Диего был прав, и его фраза утонула там, откуда она пришла к нему в его первое счастье.

 Следующее лето выдалось очень жарким. Бесперывно жужжащий кондиционер, минеральная вода со льдом, необычная тишина в полдень, работа до одиннадцати и после пяти. Я сижу за своим столом; окно распахнуто в горячую южную ночь, еле слышно шумит вентилятор компьютера, на дисплее ползут разноцветные линии последних спектральных данных со спускаемого аппарата "Kuiper". Одна из линий постепенно отклоняется вверх; это не совсем то, что мы ожидали, и я открываю файл с результатами моделирования, чтобы понять, в чем здесь дело; пока я просматриваю таблицы, линия отклоняется еще дальше; звонит телефон, это Аризона, они тоже удивлены; наверное, это атмосферный азот, и я увеличиваю его начальную концентрацию и пересчитываю модель, но это ничего не меняет; я звоню в Лейден и после короткой дискуссии изменяю несколько констант, но расчетные кривые все равно не совпадают с тем, что передает "Kuiper". Тогда я надеваю сандалии, спускаюсь вниз, прохожу к пляжу, складываю на песок рубашку и шорты и ныряю в теплую черную воду; я открываю глаза и вижу, что мои руки светятся слабым серебристым сиянием; я плыву под водой насколько хватает дыхания, не отрывая взгляда от сверкающих огоньков прямо перед глазами, наконец выныриваю в темноту под яркими звездами и внезапно вижу, как, неизвестно когда и где, бесконечно слабый свет струится сквозь дымящиеся углеводородные океаны. В нашей модели свет присутствует только в атмосфере, и я мгновенно выскакиваю на берег, взлетаю к себе по всем лестницам, прыгаю в кресло перед компьютером, добавляю несколько уравнений, сверяю константы со справочниками и снова запускаю модель. Я иду в кухню и завариваю кофе, а когда возвращаюсь, рассчитанные кривые уже лежат поверх передаваемых за миллионы километров; совпадение оказывается поразительным, и я замираю на несколько секунд, всматриваясь в экран, а потом выпрыгиваю вверх так высоко, как только могу, словно это я, а не Хорхе Бурручага только что забил решающий гол в финале чемпионата

мира против Германии. Кофе разливается на пол, но мне уже нет до него никакого дела; я быстро рассчитываю формулу продукта реакции, и у меня получается аминокислота. Которая является основной структурной единицей белков, бормочу я себе под нос, перехожу в гостиную, наливаю полный бокал "Бароло", включаю диск Люсьенн Делиль, которая поет "Mon amant de Saint-Jean"¹, выхожу на балкон и вальсирую с бокалом в руке, то и дело отпивая. Car l'on croit toujours,² поет Люсьенн из 1942 года, и оранжевые облака Титана кружатся над ее золотистыми волосами.

Я ложусь спать, когда уже рассветает; я долго не могу заснуть, а когда все же засыпаю, ко мне сразу приходит дон Диего. Он долго смотрит на меня, а потом быстрым жестом вытаскивает из кармана свою утонувшую во вселенной фразу и дает ее мне. Я тут же узнаю ее, она оказывается тяжелой и слегка поблескивает в лунном свете, но когда дон Диего еще раз внимательно смотрит на меня и уходит, так ничего и не сказав, я обнаруживаю, что получил от него что-то совсем другое: "Если благодаря тебе где-то обнаруживается жизнь, это вовсе не значит, что ты ее создаешь. Ты только способствуешь тому, что она перетекает откуда-то куда-то, из неподвижных углеводородных озер в колышущиеся мышечные стенки и обратно".

 Этим же летом Альке исполнилось восемнадцать; он окончил школу и в сентябре уехал изучать современную литературу в Бостон. Наша просторная квартира тут же наполнилась равнодушной космической пустотой, в которой не было ничего, кроме холодного реликтового излучения. Пустота была везде, в щелчке отпирающего дверь ключа, в тишине безукоризненно чистого коридора, в полутьме комнат за закрытыми шторами; пустота заполняла все, она покачивалась бесформенными студенистыми массами в углах, выплескивалась из заварочного чайника во время завтрака, нависала прямо над постелью по ночам; пустота постепенно вытесняла из квартиры воздух, нам было все труднее дышать, и мы не знали, чем можно было ее заполнить. Я попробовал завести собаку, мы долго обсуждали, какую породу предпочесть, и в конце концов остановились на джек-расселе; он был очаровательно-серьезен и сразу очень привязался к нам, но ты уезжала еще чаще, чем раньше, я подолгу засиживался в университете, и в конце концов, нам пришлось его отдать; я навсегда запомнил, какие у него были глаза, когда я обернулся посмотреть на него в последний раз, спускаясь по узкой деревянной лестнице, а его новый хозяин

¹"Мой возлюбленный из Сен-Жана" (франц.).

²Потому что в это веришь всегда (франц.).

держал его на поводке в приоткрытой двери его новой квартиры; древнее микроволновое излучение безразлично пронизывало пространство, детей у тебя уже быть не могло, и нам пришлось с этим смириться; я закрыл Алькину комнату на ключ, и мы почти перестали бывать дома.

Когда ты уезжала, я чаще всего отправлялся вслед за тобой; я сидел напротив тебя в поездах, заглядывая тебе в лицо, когда вагон мягко покачивался на стыках; я шел за тобой по улицам, разглядывая, как твоя талия плавно переходит в бедра; я лежал рядом с тобой на широких постелях, слушая, как ты ровно дышишь во сне. Иногда я оставлял тебя и отправлялся на Титан рассматривать молнии и бродить по окаменевшим льдам; там начиналось лето, столбы горючих газов поднимались из углеводородных океанов, складываясь в облака; азотные ветры гнали облака над равнинами, наполняя электричеством и превращая в тучи; обильные дожди проливались над заледеневшими островами, пронизывая атмосферу мощными токами; замороженная газовая горелка Титана разбрасывала искры, согревая Солнечную систему.

В песочных часах, перевернутых нашими родителями когда-то давно, оставалось все меньше песка. Большинство песчинок неподвижно лежали внизу; в этой сплавленной навсегда массе еще можно было различить беспорядочно перемешанные друг с другом пеленки, качели, детские книжки, четырехколесные велосипеды, футбольные мячи, игры на переменах, записки на уроках, признания в любви, поцелуи в парке, вступительные экзамены, университеты, дипломы, измерения, приборы, расчеты, диссертации, конференции, конгрессы, статьи, поезда, самолеты, вокзалы, аэропорты, встречи, провода, гостиницы, квартиры, дома, упоение, печаль, отчаяние, грусть, восторг, счастье. Наверху оставалось совсем немного, усталость, прозрачный осенний воздух над морем, неспешные прогулки по набережной, тяжесть отекающих ног, книги, больничные палаты, капельницы, уколы, тишина и еще немного счастья.

Прошло еще несколько лет; мы приезжали и опять уезжали; ты полностью сосредоточилась на работе: несмотря на тридцатилетний опыт, ты никак не хотела смириться с тем, насколько легко многие твои пациенты отправлялись в свои последние путешествия по вселенной. Каждому из них было чем дорожить здесь, каждый готов был подождать хотя бы немного, и ты проводила годы в поисках того, как можно было бы их удержать, но у тебя мало что выходило. Лопались различные сосуды, кровоизлияния происходили в каких угодно местах, выходили из строя разные участки мозга, и у тебя опускались руки перед бесконечным разнообразием клини-

ческих картин работы неизвестного художника. Некоторые уплывали недалеко, и тебе удавалось их вернуть; кое-кто оставлял неизвестно где что-то свое, принадлежавшее ему годами, — способность говорить или видеть, или двигать левой рукой; но большинство быстро оказывалось в недоступных тебе областях, и никто не возвращался обратно. Почти у всех тут оставались близкие, и тонкие прочные нити, связывавшие тех, кто исчезал, с теми, кто оставался, растягивались на бесконечные расстояния, не желая обрываться совсем, но в конце концов, все-таки обрывались. Я хорошо помню, что этот новейший по тем временам аппарат для сканирования головного мозга установили в вашем отделении весной; принцип работы аппарата был основан на эффекте Доплера. Был теплый майский день, ты вернулась домой поздно, мы пили "Бардолино" на балконе, обсуждали Умберто Эко и рано пошли спать, но даже когда я лежал на тебе, а ты обнимала меня за плечи, ты все равно была не в постели со мной, а в вашем отделении со своим новейшим аппаратом. Не знаю, когда и где у тебя возникла эта мысль; наверное, она появилась где-то очень глубоко, там, куда я никак не мог заглянуть, и где ты оставалась совершенно одна; наверное, она возникла где-то там и уже потом пробралась туда, где ты наконец смогла ее ощутить; не знаю; многие говорили мне потом, что сначала никто ничего не заметил и только намного позже кто-то, может быть, ты, а может, кто-то другой, обратил внимание, что пациенты, прошедшие сканирование на новой машине, возвращаются назад из своих бесконечных далей значительно чаще, чем все остальные. Те, кто так говорил, должны были проработать с тобой рядом все эти тридцать лет, а потом увидеть тебя в нашей постели тем теплым майским вечером вместе с твоим аппаратом, чтобы понять, что в этой истории не было никого, кроме вас двоих. Как бы то ни было, идею о том, что высокочастотный ультразвук разрушает тромбы и восстанавливает циркуляцию мозгового кровообращения, впервые предложила именно ты; первое сообщение об этом, сделанное на конференции в Колд-Спринг-Харбор, было подписано твоим именем. Ты научилась разворачивать уходящих на полпути с помощью своего аппарата, и движение твоей отдельной жизни наконец совпало с движением жизни всего человечества.

 Прошло еще какое-то время, и мы начали понемногу собираться в путь. Мне пришлось оставить кафедру по настоянию врачей; ты тоже работала не так много, как раньше, и мы гуляли по набережной, читали перед сном и говорили о тех временах, когда из нас двоих в живых останется только Алька; он недавно вернулся в Италию и поселился недалеко от

нас. Мы съездили на Таити, научились играть в бридж и купили дом в пригороде; деньги и документы были готовы, они лежали в светло-сером ящичке на камине.

Тем вечером я вернулся домой рано; сердце заболело, когда я парковал машину у входа; тебя еще не было, и я принял нитростат и сел к столу посмотреть почту; боль не отпускала, я принял еще одну таблетку, вложил в проигрыватель "Entre deux"¹ Патрика Брюэля и прилег на диван; ты улыбалась мне с нашей фотографии на стене, конец девяностых, пляж, июнь, остров в Мраморном море, ты, Алька и я на фоне веселой субтропической зелени; сердце заболело еще сильнее, и когда боль стала невыносимой, я встал с дивана, достал свой старый чемодан, купленный в "Ла-файетт" на Монпарнасе много лет назад, прошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Я начал с того, что аккуратно уложил в большое отделение наше знакомство на конференции в Амстердаме, банкет, старинный особняк и тебя, неправдоподобно красивую, идущую через зал с бокалом шампанского в руке; я положил рядом наш первый вечер вдвоем в Антверпене, два стакана виски в гостиничном баре, мягкий свет ламп и нежный вкус твоих губ; я обернул в теплый вязаный шарф резкий ледяной ветер, поднимающийся от реки туман и холод твоего тела; высокий сводчатый подвал с портерным пивом удобно разместился рядом, дрожа огоньками свечей на деревянных столах; я тщательно упаковал день нашей свадьбы в тонкие кружевные занавески, купленные тобой накануне в Брюгге; как и тогда, этот день никак не хотел кончаться, и занавесей едва хватило; я с трудом отыскал запыленную коробку с первой поездкой в Италию, белый миланский вокзал, высокие стены Каstellо и размытые краски "Тайной вечера"; наша ночь в Барселоне едва поместилась в чемодан, все еще удивляя меня бесконечностью моего счастья; сверкающий лед Медео выскользнул из рук и упал на горячий песок пляжа Каваллино; я быстро поднял его и уложил возле медленного фокстрота на пароходике посередине Дуная; наш медленный танец в подвальчике на рю де ля Юшетт уже лежал рядом, завернутый в твое наспех сброшенное вечернее платье; я осторожно положил сверху твою улыбку в окне палаты с только что родившимся Алькой на руках; ночные разговоры на берегу Lago Maggiore мне пришлось доставать из-под стола — Алька тогда постоянно бегал по комнатам, разбрасывая игрушки во все стороны, и наши вещи могли оказаться где угодно; я долго не мог найти поездку в Прагу втроем в конце октября, я почти забыл о ней и помнил только холодный осенний воздух, огни

---

¹"Между двумя" (франц.).

фонарей над Карловым мостом и маленькую пивную на углу возле гостиницы; я побоялся положить в чемодан хрупкий елочный шар, который мы купили для Альки в маленьком магазинчике возле Вацлавской площади; в сердце что-то дернулось, и я едва не уронил на пол Северный вокзал, отправляющийся через несколько минут поезд Париж-Гамбург, тебя в открытом окне и меня внизу на перроне; в тот год мы чуть не развелись, и от нас остались бы одни осколки, если бы ты в последнее мгновение не схватила меня за холодные пальцы. В чемодане уже не было места, но мне все-таки удалось разложить по боковым отделениям поцелуи в Сиднее на мосту высоко над портом, прощания на вокзалах Одессы, Кельна и Нарбонны, маленькую гостиницу в Ломмеле рядом с голландской границей, Алькин первый день в школе, несколько счастливых дней на островах. Боль понемногу начинала стихать; я еще раз проверил, что деньги и документы остались на своих местах, присел на край кресла, огляделся в последний раз, взял чемодан и пошел к выходу.

Такси ждало внизу; я поздоровался с водителем, помог ему положить чемодан в багажник и сел на заднее сиденье. Водитель завел мотор; я оглянулся; в наших окнах горел теплый желтый свет — наверное, ты уже вернулась домой после работы; водитель прибавил газу, и я потерял наш дом из виду. Мы доехали быстро; машин было мало, водитель молчал, и я смотрел через стекло на мокрые черные тротуары, нащупывая в кармане нашу парижскую квартиру, которая уже не поместилась в чемодан, широкий коридор, застекленные двери комнат, приглушенный свет настольных ламп, просторная постель, быстрые движения тел, последняя невозможность счастья. Поезд уже стоял у перрона; вагоны были пусты, двери открыты; я был один; тускло горели несколько неоновых ламп; стрелка больших старомодных часов дернулась и застыла на цифре "11"; я поднял чемодан и шагнул в тамбур; дверь бесшумно закрылась за спиной, поезд мягко тронулся и пошел, набирая ход; огоньки, проносящиеся за окном, становились все реже и реже, пока не исчезли совсем; поезд плавно оторвался от земли и, все ускоряясь, помчался в направлении созвездия Водолея; Титан медленно всходил из-за горизонта, подрагивая оранжевыми облаками; я раскрыл "Дона Диего" и сел у окна; Патрик Брюэль и Джонни Холлидэй весело пели "Qu'est-ce qu'on attend pour être heureux?",¹ в груди уже почти не болело, вокруг была чернота, и только далеко внизу, там, где железнодорожная линия начинала забирать к югу, горел маленький огонек.

¹"Что мы ждем, чтобы быть счастливыми?" (франц.).

Часть вторая

Рыжая на белом

□ Поезд вздрогнул в последний раз и остановился у перрона. Я вышел первым и помог спуститься тебе; ты задержалась на последней ступеньке, коротко взглянула на меня и скользнула вниз, опираясь мне на плечи; носильщик подхватил чемоданы, поставил их на тележку, *buongiorno signora buongiorno signor, lei è benvenuto a Sestri,*¹ и покатил вдоль белоснежных вагонов; поезд снова вздрогнул, бесшумно сдвинулся с места и помчался вдоль моря, сверкая на полуденном солнце; ты еще раз взглянула мне в глаза, взяла меня под руку, и мы пошли к выходу. Точнее, я пошел к выходу вслед за носильщиком, а ты осталась стоять посреди перрона, глядя, как носильщик катит на своей тележке наши чемоданы, как я иду за ним, отставая на несколько шагов и улыбаясь, и как ты идешь рядом со мной, держа меня под руку и улыбаясь мне в ответ. Ты смотрела, как мы с тобой прошли через маленькую площадь, расплатились с носильщиком и сели в такси; как я открыл перед тобой переднюю дверь, сел на заднее сиденье и всю дорогу разговаривал с таксистом о Лигурии, подшучивая над политиками и расспрашивая о новостях, *si, lei ha ragione, questo è veramente strano,*² а потом взял карточку с его телефоном и обещал звонить, если нам понадобится автомобиль; как мы вышли из такси у входа в отель, прошли через вестибюль и взяли ключи у портье. Наверх вела узкая деревянная лестница с искусно вплетенной в решетку буквой "S"; ты видела, как мы поднялись на третий этаж и вошли в номер, как я стянул через голову рубашку, сбросил на ковер брюки и ринулся в душ, а ты распахнула окно и смотрела на красные крыши домов, зеленые верхушки кипарисов и белые очертания облаков, смотрела до тех пор, пока не услышала шаги за спиной и не почувствовала, как я обнимаю тебя за плечи, прикасаясь к твоим волосам. Отсюда, с перрона, тебе был хорошо виден четко очерченный в бледном июльском небе прямоугольник окна с нашими светлыми фигурами посередине, касающиеся друг друга губы, лежащие на плечах руки, полузакрытые от яркого света глаза. Я высунулся наружу по талию, прикрыл створку жалюзи и шагнул к тебе от окна в полумрак над белоснежной постелью; перрон растворился среди прохладных теней, ты влетела в комнату ослепительной рыжей ракетой, и я вернулся к тебе.

¹Здравствуйте, синьора, здравствуйте, синьор, добро пожаловать в Сестри (итал.).

²Да, вы правы, это действительно странно (итал.).

□ Город взбегал от моря вверх по склонам. Тяжелые старинные здания едва взбирались на набережную, с трудом делали еще несколько шагов и останавливались невдалеке от берега, тяжело дыша и вздрагивая от напряжения; они непрерывно поглощали кислород, выделяя взамен запахи кухни, уборки и свежевystиранного белья; некоторые из них были готовы растянуться вдоль склона и бессильно осесть серой грудой камней, чтобы только наконец отдохнуть от этих многовековых усилий. Легкие маленькие домики карабкались вверх намного быстрее, они ловко взбегали по кручам, насколько хватало сил, и останавливались среди темной зелени, выглядывая наружу яркими крышами и светлыми стенами. Наша гостиница располагалась в узком четырехэтажном здании семнадцатого века, зажатом со всех сторон в старом квартале рядом с рынком; она уже не могла двигаться и только отчаянно стремилась вверх, к солнцу.

Мы спали до девяти, завтракали в саду за маленьким столиком и шли на пляж до полудня; когда становилось жарко, мы поднимались наверх, немного прогуливались по набережной и обедали в одном из приморских ресторанчиков. После обеда мы обычно уходили гулять; повсюду цвели розы, гвоздики, цикламены; каждая улица имела свой аромат, он кружил нам головы, застилал глаза, прижимал друг к другу. Окраинные улицы были наполнены густым запахом лаванды, он отрывал нас от земли и уносил в горы, которые спускались прямо к порту. Здесь запах был таким сильным, что мы увязали в нем с головой, с трудом взмахивая руками; в конце концов воздух загустевал до такой степени, что мы неподвижно повисали над склонами, не в состоянии шевельнуться и только вдыхая темно-фиолетовый запах, поднимавшийся из полей. К вечеру ветер менялся, и мы начинали медленно скользить вниз к морю, понемногу снижаясь. В конце концов мы снова оказывались на набережной; ветер стихал, запах ослабевал, и мы шли над прибоем в теплой ночной темноте, слегка покачиваясь после долгого пребывания в воздухе.

□ Ты только начала работать на BBC, твой круг обязанностей был ограничен репортажами из Италии, и ты могла жить где угодно от Бренnero до Мессины, лишь изредка навещаясь в Лондон. Первое время я часто брал несколько дней отпуска и летал на остров вместе с тобой; мы ходили в Британский музей, сидели в ресторанчиках Ковент Гарден и гуляли в Регентс-парке по солнечным дням. С каждым приездом Лондон затягивал нас все глубже; ты любила его и раньше, а я начал по-настоящему

узнавать только сейчас. Вестминстер непреодолимо тянул к себе, Тауэр-бридж звал изо всех сил, Трафальгарская площадь засасывала нас, как омут. Мы погружались и погружались, просачиваясь в отдаленные районы, проскальзывая в места с сомнительной репутацией, пробираясь в пригороды; мы проникали в город все дальше, смешиваясь с ним и соединяясь тысячами разных нитей. Нас уносило вдаль; мы побывали в Лутоне, Рединге и в конце концов добрались до Оксфорда. Вначале ты показала мне дом, в котором жила, потом здание университета и наконец ресторан, где вы отмечали получение дипломов; именно там я впервые увидел университетский герб, белые страницы раскрытой книги в рыжей обложке с отчетливой надписью "Dominus Illuminatio Mea"¹ через разворот. Прошло несколько месяцев, и когда мы приехали в Оксфорд в следующий раз, мне стало ясно, что центр притяжения находится именно здесь.

Первое время наша жизнь состояла из простых предметов. Мы начали с арифметики шоссежных дорог: A12 + A7 = Милан, Дуомо, кастелло, "Ла Скала", галерея Витторио Эммануэле, Санта-Мария-делла-Грацие, "Сан-Сиро"; A12 + A11 = Флоренция, Санта-Мария-дель-Фиоре, колокольня Джотто, капеллы Медичи, дом Данте, Понте Веккио, Уффици; A12 + A21 + A4 = Венеция, Сан-Марко, Дворец дождей, Риальто, Галерея академии, Большой канал, Ка'д'Оро; A12 + A11 + S2 = Сиена, пьядца дель Кампо, палаццо Публико, Сан-Доменико, палаццо Пикколомини. Я хорошо знал эти места и рассказывал тебе то, что помнил из объяснений отца, а ты внимательно слушала и иногда смеялась в ответ. Отец с мамой жили совсем рядом, в тридцати километрах отсюда; отец все еще преподавал в университете, а мама работала в госпитале. Они часто приезжали к нам в праздники и по выходным, и каждый раз, сидя с ними в гостиной, я обязательно хотя бы на несколько минут попадал в нашу старую квартиру в Квинто. Я ездил в школу на машине по узким улочкам вместе с отцом; он всегда спешил, чтобы успеть к началу уроков, улицы были полны автомобилей, и отец отчаянно ругал всех, кто мешал ему продвигаться вперед; особенно доставалось длинным автобусам двойного сочленения, которые иногда занимали целый квартал и не давали проехать вслед за ними даже на зеленый. Я возвращался из школы один, зимой в это время уже темно, и я звонил из автобуса отцу на работу, а потом шел пешком от площади к нашему дому; мы жили напротив церкви, и по выходным я просыпался от перезвона ее колоколов, и сразу садился за компьютер, чтобы связаться с друзьями, а когда раздавался звонок в дверь, бежал по лестнице вниз

¹ "Бог есть мой свет" (лат.).

встречать маму. Так продолжалось все время, пока отец с мамой оставались у нас, и когда они наконец уезжали, у меня снова не оставалось никакого времени, кроме настоящего.

Одновременно с арифметикой мы овладевали пением, Карузо, дель Монако, Лоретти, Паваротти, Рамаззотти, а потом занялись рисованием, Леонардо, Рафаэль, Тициан, Боттичелли, Караваджо. После уроков мы обычно уходили гулять и до темноты бродили по узким улицам, заглядывая в окна и разглядывая фасады; мы уходили далеко, улицы превращались в дороги, начинались поля; деревья стояли по сторонам ровными рядами, и мы шли по горячему асфальту, изредка отходя на обочину, чтобы пропустить обгоняющие нас автомобили. Когда мы были в Павии, ты захотела посмотреть чертозу; от автобуса нужно было идти пешком около двух километров; широкая аллея была обсажена тополями, и от нее то и дело отходили в стороны узкие сельские дороги. Ты свернула в одну из них, я окликнул тебя, но ты не ответила, а только обернулась в ответ и исчезла за поворотом. Я быстро догнал тебя, ты вырвалась и побежала по траве к роще, я прижал тебя к дереву, ты поцеловала меня в губы, я стянул с тебя блузку, мы упали в траву, я взлетел над полями, ты промчалась над чертозой, я взмыл в воздух над Ломбардией, ты пронеслась над Лигурией, и мы долго любили друг друга под старыми акациями в широком небе Италии, кувыряясь над головами прохожих, забавляя детей и распугивая монахов. Мы вернулись в Сестри уже за полночь, ты сразу уснула, а я еще долго читал "Три счастья дона Диего". Это была странная книга о том, что у каждого мужчины в жизни есть множество единственных женщин, что жизнь закономерно складывается из случайностей, и что бесконечное количество вариантов судьбы строго ограничено. К тому моменту я одолел около половины; дон Диего плескался в своем втором счастье где-то высоко над землей, и я прекрасно понимал его, засыпая рядом с твоим ослабленным телом.

 Работа над романом продвигалась с трудом, в гостинице писать было неудобно, и через несколько недель мы переехали в просторную квартиру на корсо Монтевидео. Договор с издательством уже был готов, оставалось согласовать некоторые детали сюжета. На протяжении нескольких десятилетий я носил с собой каждый поворот этой истории, мы следили за ней вместе с отцом по телевидению, газетам и интернету из нашей квартиры в Квинто. Пропавших нефтяников искали суда, вертолеты и самолеты, специалисты анализировали фотографии, сделанные со спут-

ников, но все было напрасно. К тому времени нефтяные месторождения Северного моря и Аляски иссякли окончательно, запасы в Баренцевом море приближались к концу, и гонка за околополюсные районы была в самом разгаре. Из-за потепления климата каждая высадка на лед была рискованной, но речь шла о миллиардах, поэтому риск считался оправданным. Установка платформы на такой широте заняла бы несколько лет, в то время как разведка со льда могла дать необходимую информацию в течение двух-трех месяцев. Все данные со льдины непрерывно шли прямо в штаб-квартиру BP, поэтому там сразу забеспокоились, когда связь неожиданно прекратилась, однако репортеры узнали об этом только через сутки. На следующее утро The Sun вышла с заголовком Lost for Oil¹ через всю полосу; редакционная статья в The Guardian была озаглавлена Oil Price.² Все необходимое еженедельно доставлялось в лагерь огромными транспортными самолетами, однако когда самолеты появились над нужной точкой вскоре после исчезновения связи, летчики не увидели там ничего, кроме ледяной пустыни. К этому моменту в лагере работали двадцать шесть человек, в основном специалисты-нефтяники, с которыми были врач, радист и океанолог. На ноги были подняты все спасательные службы от Норвегии до Канады; американские, английские, канадские, шведские, норвежские и русские спасатели прочесывали квадрат за квадратом от Шпицбергена до Новой Земли, но все оказалось напрасным. За три месяца поисков не было обнаружено ничего напоминающего о том, что в этом месте когда-то был полярный лагерь. В конце концов поиски было решено прекратить; все компании отказались от планов освоения полярной нефти, газеты перестали писать о пропавших, и никто так и не узнал, что с ними случилось.

Я провожу все лето за письменным столом; начинается осень, и ты впервые улетаешь в Иран. Там почти нет западных журналистов, и тебе не разрешают снимать ничего, кроме короткого репортажа о детях; у тебя уходит не меньше недели на то, чтобы объехать школы, детские сады, ясли и родильные дома, потом ты летишь на монтаж в Лондон и возвращаешься в Италию только в конце февраля. Услышав звонок, я спускаюсь вниз, чтобы помочь тебе с чемоданом; ты стоишь у стеклянной двери, и твои волосы струятся по яркому восточному платку. Как только я вижу тебя, я чувствую, что ты чего-то хочешь, но не могу понять, чего. Мы ужинаем в ресторане над морем; тебе беспокойно, и ты весь вечер пытаешься вывести меня из себя; ты используешь разнообразные приемы, смотришь мне

---

¹"Пропавшие из-за нефти" (англ.).

²"Цена нефти" (англ.).

прямо в глаза, как будто случайно приподнимаешь край юбки, поправляешь шлейку лифчика, запустив пальцы под платье, но у тебя ничего не получается. Ты добиваешься своего только дома, когда я захожу в гостиную, снимая пиджак и повесив пальто в прихожей, а ты уже стоишь на ковре в красном свете японской лампы, Sade поет "Your love is king"¹ хрипловатым голосом со старого диска, и твоя обнаженная грудь ровно отсвечивает в полутьме. Мы падаем на ковер, совершая множество быстрых движений, остаемся там внизу в течение неизвестно какого времени, и в конце концов ты добиваешься своего, и я выхожу из себя. Выходя из себя, я вхожу в тебя; я вхожу в тебя через небольшое отверстие между ногами, окруженное рыжими волосами; я оказываюсь у тебя внутри; там тесно, тепло и темно, и я растекаюсь в этой темной тесноте, обволакивая мягкие стенки; сжимаясь мне навстречу, ты впитываешь меня в себя, и я начинаю двигаться у тебя внутри, понемногу наполняя твое тело. Ты разносишь меня повсюду; проходит еще какое-то время, и становится невозможно разобрать, где ты и где я; тогда ты собираешь всю эту бесформенную красную массу, которая одновременно является мной и тобой, у себя в низу живота, прямо над соединившим нас узким отверстием, собираешь и наконец звонишь мне теплым весенним днем и говоришь, you know, I am pregnant.²

В первые годы после исчезновения нефтяников вышли несколько книг с детальным описанием этой истории, но ни одной из них не удалось объяснить, что именно случилось тогда во льдах. Прошло несколько лет, и одним солнечным зимним утром я, как всегда, спустился на набережную, присел на скамейку над холодным блистающим море, прикрыл глаза от слепящего света и внезапно увидел, как где-то вдали несколько человек в ярко-рыжих комбинезонах идут по сверкающему на солнце льду, обходя полыньи и перебираясь через торосы. Я замер, изумленный четкостью увиденного, потом встал, облокотился на парапет, снова закрыл глаза и несколько минут смотрел, как цепочка людей с трудом движется вперед под тусклым полярным солнцем, смотрел до тех пор, пока сияние северных льдов не растворилось в блеске Средиземного моря. Прошло около месяца, и я снова увидел эту картину, когда сидел на песке у воды теплым мартовским днем; блестящая поверхность уходила далеко к горизонту, люди шли медленно, и было видно, что они очень устали; к тому же мне показалось, что их стало меньше. Я долго не мог понять, что это значит,

¹ "Твоя любовь — король" (англ.).

² Знаешь, я беременна (англ.).

но когда люди во льдах появились перед мной в третий раз и я смог разглядеть нашивку "BP" на комбинезоне одного из них, мне стало ясно, что отраженный холодной морской поверхностью солнечный свет имеет отношение к пропавшим нефтяникам.

У тебя ушло больше полугода на то, чтобы снова стать собой. Все это время ты на четверть состояла из меня, и я часто спрашивал себя о том, согласился бы я так долго терпеть то же самое по отношению к тебе; спрашивал, но не находил ответа. Больше полугода ты состояла из двух неравных частей, и та из них, которая являлась тобой лишь наполовину, подчиняла себе твою жизнь все больше и больше. Эта беспокойная часть, она заставляла тебя просыпаться по ночам, постоянно отлучаться в туалет, отказываться от любимых блюд и напитков и в конце концов просто отправляла в постель на два месяца, разрешив только кресло-качалку на балконе и прогулки у моря три раза в день. Ты снова стала собой, когда начались холода, улицы покрылись желтыми листьями и над морем повисли туманы; поздним вечером ты появилась в открытой двери кабинета, попросила позвонить в госпиталь и опустила на диван; я набрал номер, не всегда попадая на нужные клавиши, побежал в спальню за давно подготовленным чемоданчиком, набросил тебе на плечи пальто, свел вниз по лестнице вместе с врачом и потом только все время держал тебя за руку, в машине "скорой помощи", в коридоре и в родильном зале; когда я наконец разжал насквозь промокшие пальцы, ты улыбнулась мне серым больничным лицом, люди в белых халатах засуетились в стороне вокруг маленького красно-рыжего тельца, и ты снова улыбнулась мне и сказала, we'll call him Robert.¹

Начиналась зима; ты вернулась на телевидение, Роберт все чаще оставался с няней, и я старался чередовать работу с неспешными прогулками у моря. Был ясный декабрьский день; я спустился на набережную, сел на залитую солнцем скамейку и закрыл глаза. Несколько человек в рыжих комбинезонах шли через бесконечные полярные льды, и тусклое рыжее солнце равнодушно светило им навстречу. Вчера они прошли не больше трех километров; ноги застревали в свежем снегу, ветер бросал в лицо острые иглы льда, и им приходилось держаться за руки, чтобы не потерять друг друга. Наутро пурга улеглась, и они пошли побыстрее, снова растянувшись в длинную цепь. Они шли на юг, оставляя за собой прерывистую линию следов и время от времени поглядывая на небо, их ры-

¹Мы назовем его Робертом (англ.).

жие комбинезоны четко выделялись среди белизны, и каждый из них по несколько раз в день видел их всех с высоты, проносясь низко надо льдом в кабине поискового самолета. Этот самолет, они слышали его ежедневно, утром, днем, вечером, а некоторые даже ночью, он появлялся на юге, востоке, западе и даже на севере, его долгожданный ровный гул возникал где-то вдаль и повисал над торосами, приближаясь, и тогда каждый из них хватал за плечо другого и застывал, указывая рукой в вышину, застывал до тех пор, пока тот, другой, не отворачивался и не уходил вслед за остальными, так ничего и не услышав.

Первая экспедиция высадилась на Марсе, когда Роберту исполнилось пять; он часами не мог оторваться от телевизора, внимательно следя за тем, как белые скафандры бесшумно перемещаются по рыжей поверхности на широком плоском экране в десятках миллионов километров от нас. Когда первые кадры с Марса достигли Земли, отец переехал к нам на несколько дней; он смотрел вместе с Робертом все передачи, не пропускал ни одного пресс-релиза в интернете и был по-настоящему счастлив, когда узнал, что в первых анализах почвы были обнаружены следы аминокислот. Поздравления в его адрес приходили в течение нескольких недель после этого: человек, первым доказавший существование сложных органических молекул за пределами Земли, снова оказался одним из героев дня, и в эти дни я наконец понял, что это такое, в одиночку бродить по чужой холодной планете, потому что впервые делал это вместе с отцом. Мы вдвоем прогуливались по марсианским пустыням, спускались в широкие долины, поднимались по длинным склонам кратеров, и Роберт с трудом поспевал за нами.

Британия еще не поддержала Соединенные Штаты в их конфликте с Ираном, война еще не началась, и я видел тебя почти каждый день на BBC World, стоящую с микрофоном в руках на одной из площадей Тегерана. Ты смотрела мне прямо в глаза, твои рыжие волосы сверкали из-под светлого платка, и высокие белые здания сияли на солнце за твоей спиной. Чтобы лучше понимать тебя, я выключал звук и слушал, как ты рассказываешь мне о себе, о том, как ты скучаешь, как устаешь, как ждешь вечера, чтобы наконец включить телефон и позвонить в Италию; как ты подходишь к нашей двери, открываешь ее своим ключом и осторожноходишь в полумрак за решетчатыми ставнями, трясаясь на сиденье редакционного джипа по узкой горной дороге и не открывая глаз; как тебе бывает страшно по ночам, когда ты лежишь с опущенными веками в тягучей

летней темноте и внезапно отчетливо видишь то, что произойдет здесь всего через несколько месяцев. Ты видишь невысокое здание, окруженное забором со всех сторон, чувствуешь идущий от него запах гари и слышишь детский плач, доносящийся откуда-то сверху.

Каждый вечер я замирал над белой страницей, и твои рыжие волосы мелькали у меня перед глазами среди бесконечных ледовых полей, освещенных низким полярным солнцем. Я прикрывал глаза и подолгу смотрел на красно-оранжевый диск, пока он не расплывался в морозной дымке и не превращался в знакомую рыжую россыпь, из которой выглядывало твое лицо. Я видел, как далеко внизу несколько человек в рыжих комбинезонах медленно шли по льду, растянувшись в длинную цепь, как они иногда останавливались, смотрели на небо, как будто прислушиваясь к чему-то, потом опускали головы и снова шли друг за другом своей усталой походкой, как они тяжело двигались среди льдов, изредка взглядывая на солнце, и как красивые женские лица смотрели на них со слепящего диска, встряхивая разбросанными по плечам волосами. Отсюда, с лигурийского побережья, несколько десятилетий спустя мне было трудно рассмотреть черты этих лиц, но я был уверен, что некоторые из них мне хорошо знакомы. Красивые женские лица появлялись одно за другим в застывшей ледяной вышине, медленно исчезали в облаках и снова появлялись, когда кто-то из идущих на юг людей в очередной раз поднимал глаза к небу. Лицо, которое возникало низко над горизонтом всякий раз, когда на солнце смотрел тот, кто шел последним, странно напоминало мне кого-то из близких, но я никак не мог определить, кого; прищурившись от яркого света, я вглядывался в знакомые изгибы скул, овалы глаз, линии губ, узнавая каждую деталь, но так и не понимая, кто это улыбается мне через мертвый полярный холод.

В те дни я много работал, стараясь закончить сборник, и дон Диего приходил ко мне, только когда я выключал компьютер, умывался холодной водой и ложился в постель, наполнив бокал малагой. Дон Диего рассказывал мне о том, что наши жизни происходят вдоль тонких и прочных линий, которые находятся одновременно внутри и снаружи каждого из нас; что эти линии могут перекрещиваться, перетекать друг в друга, совпадать на какое-то время и обрываться навсегда; что жизнь может приближаться к своей линии и в точности совпадать с ней, и тогда человек счастлив, но может и удаляться от нее и полностью терять ее из вида, и тогда человек становится несчастным и в конце концов исчезает. Тем ве-

чером я снова застываю над чистой страницей, и знакомое женское лицо тут же возникает передо мной над бескрайними просторами льда. Тот, кто шел последним, стоит по колено в снегу, запрокинув голову к небу и не пытаясь догнать уходящих все дальше товарищей; он пристально смотрит на солнце, прищурив глаза и не отводя взгляд, и я теперь могу рассмотреть красивое лицо, улыбающееся ему сверху. Какое-то время мы вместе смотрим на низко висящий диск; тот, кто шел последним, наконец отводит взгляд, опускается на колени и ложится лицом в снег, а потом поднимается, смотрит туда, куда пошли остальные, и уходит в другую сторону. Улыбающаяся с неба женщина перестает улыбаться, она просто смотрит, как он из последних сил пробирается через льды, падая и вставая, и когда она наконец отворачивается и медленно растворяется в небесном сиянии, встряхнув знакомой россыпью рыжих волос, я понимаю, что это твоя мать, которую я никогда не видел и которая умерла, когда тебе было четыре года; твоя мать задолго до твоего рождения. Пораженный, я какое-то время сижу за столом, пересекая темные пространства и совершенно потеряв из виду рыжий солнечный диск, белые льды и идущих по ним людей, потом с трудом открываю глаза, иду в гостиную, открываю бутылку граппы, возвращаюсь к столу и немного отпиваю из рюмки. Я снова вижу длинную цепочку людей, из последних сил бредущих на юг сквозь полярные льды, передо мной снова возникают красивые женские лица, и когда тот, кто ушел в сторону, вскидывает голову к солнцу и над льдами появляется сияющее лицо твоей матери, я вздрагиваю и широко открываю глаза, потому что теперь твердо знаю: этот человек — твой отец. Некоторое время я сижу неподвижно, пытаюсь понять, что же произошло, потом встаю, снова иду в гостиную, допиваю всю граппу в течение нескольких минут, ложусь на ковер и тут же засыпаю; я сплю до полудня, не слыша уличного шума и телефонных звонков, и когда просыпаюсь, сразу же понимаю: теперь мне известно, что случилось с тем, кто шел последним в длинной цепочке бредущих сквозь полярные льды людей.

Новость о том, что во время бомбардировки была разрушена детская больница, первой передала Al Jazeera; ты услышала об этом, когда проходила через холл, в котором работал телевизор. Слова "children's hospital"¹ заставили тебя остановиться, слова "heap of debris"² обожгли лицо, а слова "hundreds of newborns"³ ударили так, что ты раскаленным снарядным

---

¹Детская больница (англ.).

²Груда обломков (англ.).

³Сотни новорожденных (англ.).

осколком пронеслась через пустынные города, черные горы и залитые тьмой долины, пока в конце концов не уперлась фарами в толпу, не съехала на обочину и не увидела поднимающийся слева от дороги дым. С того момента, как ты замерла перед телевизором, ты не думала ни о чем, но точно знала, что делать. Ты выключила фары, заглушила мотор и вышла из машины, пряча лицо под хиджабом; никто не заметил твоего появления, внимание собравшихся в ночи людей было полностью занято тем, что происходило впереди, там, откуда поднимался дым. Миниатюрная камера, как обычно, была спрятана в складках ткани у тебя на груди, аккуратно фиксируя все, что ты видела, и даже больше, благодаря своей чувствительности к инфракрасному излучению. Ты прошла вперед, смешавшись с множеством таких же женщин, как ты, закутанных в темные ткани, и оказалась перед обломками здания, только что разрушенного сильным взрывом. Женщин здесь было меньше, они или стояли вокруг, молча заламывая руки, или катались по земле, захлебываясь в крике; мужские фигуры стремительно двигались среди обломков, освещаемые языками пламени, они время от времени останавливались, наклонялись над чем-то, подзывали на помощь других, вглядывались и принимались быстро расшвыривать обломки, пытаясь что-то вытащить из-под них; когда это им удавалось, они расстилали на земле простыни, быстро говорили о чем-то и несли тела к темнеющему в стороне забору, уже четко отграниченному белым. Тут и там из-под обломков поднимался дым, выбивалось пламя, торчали балки, трубы, стены; не в состоянии разглядеть, что там происходит, ты то и дело нажимала на Zoom, запустив руку под платье; ты не могла проверить положение камеры, это было слишком опасным, и поэтому ты просто поочередно поворачивалась к мелькающим в дыму мужчинам, распростертым на земле женщинам и белеющим у забора телам. Ты простояла у развалин еще некоторое время после приезда врачей и пожарных, автоматически следя за суетящимися среди огня людьми, потом наконец повернулась, спустилась к машине, села за руль, выключила камеру, развернулась на узкой дороге и оказалась в своей квартире через несколько никак не ощущенных тобой часов; начинало светать. Ты выпила полный стакан виски, подключила камеру к проектору, снова наполнила стакан и нажала на Play. Крупное изображение плачущего бородатого мужчины, держащего на руках ребенка, появилось на экране примерно через десять минут после общего плана сложенных у забора тел; ты остановила камеру, немного прокрутила назад, уменьшила скорость и еще раз просмотрела последнюю минуту, пока снова не увидела мужчину с ребенком и не оста-

новила кадр. Черный силуэт мужчины, освещенное огнем лицо, маленькое тельце на руках и стекающие по щекам слезы. Не отрывая взгляд от экрана, ты допила остаток виски, включила принтер и запустила печать; во сне ты всю ночь бродила по пустому огромному дому, переходя из комнаты в комнату, и в каждой из них висела на стене только что отпечатанная фотография мужчины с ребенком; когда ты открыла глаза следующим утром, эта фотография висела на стене над твоей постелью.

Твоя жизнь перестала быть моей через несколько дней. Твой репортаж по BBC о разрушенной взрывом больнице повторили CNN, ABC, CBS, три первых канала французского телевидения, немецкие, итальянские, испанские, голландские, датские, шведские телекомпании, и ты стала частью тех нескольких миллионов, которые посмотрели его; конечно, так случалось и раньше, но тогда в твоём компьютере еще не было кадров мужчины с ребенком. Фотография появилась на обложке Time через сутки; прошел еще день, и на тебя заявил права весь мир. Наш телефон звонил без умолку, и нам пришлось отключить его и перейти на другой номер, твой mailbox оказался засыпанным сообщениями со всех концов Земли, твой мобильный вибрировал у тебя на столе каждые несколько минут, сигнализируя о прибытии очередного SMS. Бородатый мужчина стоял с ребенком на руках в зеленоватом свете инфракрасной камеры, и желтые огоньки слез блестели на его темном лице. Каждый хотел что-то узнать о журналистке, из-за репортажа которой пришлось созывать заседание Совета безопасности ООН, и ты перестала быть просто частью этого мира и стала частью каждого из тех, кто в нем был.

В те годы ты редко бывала дома, и Роберт все больше зависел от меня, особенно после того, как отец навсегда исчез из его жизни. Я писал его жизнь набело, стараясь не делать ошибок и тщательно подбирая слова. Дни складывались в предложения, недели абзацами ложились на чистые листы, месяцы превращались в страницы, образуя пока еще тонкую книгу его жизни, основную часть которой ему предстояло написать самому. Тогда я постоянно носил эту книгу с собой; она была аккуратно переплетена и жестко перетянута суровой ниткой, которая принадлежала только ему и ход которой терялся под твердой обложкой. Мы ездили в Геную, бывали во Флоренции, отправлялись на футбол в Милан; ему особенно нравилось, когда приезжали английские команды, он любил смотреть, как красно-рыжий крест медленно поднимается над залитым белым электрическим светом стадионом; я водил его в детский сад, а потом в школу, учил плавать

баттерфляем, работать на компьютере и играть на пианино, почти не вспоминая о тебе и осторожно заполняя страницу за страницей. В один из ноябрьских дней мы вернулись из поездки в Верден; он уже заканчивал последний класс и серьезно занимался музыкой; я разжег камин, сел к огню и достал книгу из портфеля; она заметно потяжелела и увеличилась в объеме, но большинство страниц так и оставались неразрезанными. Я подождал, пока он сядет рядом, включил *The Great Gig in the Sky* и положил книгу на стол перед ним. Он взял ее, повертел в руках, открыл, внимательно посмотрел, куда уходит нитка, и пошел к себе в комнату. Осенью он уехал учиться в Англию, и я больше никогда не видел у него этой книги.

О том, что одним из нефтяников был твой отец, я узнал только через полгода после нашего знакомства. Вначале ты всячески избегала разговоров о своей семье, и я быстро перестал задавать тебе лишние вопросы. Потом я узнал, что ты выросла без родителей; когда мы в первый раз поехали к тебе в Ливерпуль, я увидел на твоём столе выцветшую фотографию загорелого мужчины и смеющейся женщины, сделанную еще до появления цифровых камер. *This is dad and mum,*¹ сказала ты со странным изломом в голосе, отвернулась и вышла из комнаты. Прошло еще несколько месяцев, мы сняли нашу первую квартиру на Монпарнасе, и только там ты наконец показала мне вырезки из старых газет, интересовавшихся судьбой экспедиции; я сразу вспомнил некоторые из них, отец тогда выписывал *The Guardian*, которая регулярно сообщала о ходе поисков. Все фотографии пропавших полярников были сделаны общим планом, и на них нельзя было узнать загорелого мужчину из твоей комнаты, но твоя фамилия то и дело мелькала в тексте; ты оставила мне папку, сказала *look over*² и ушла курить на балкон. Я долго сидел на диване, перебирая пожелтевшие кусочки бумаги, но в тот вечер мне не удалось попасть за полярный круг, потому что я был у нас дома в Квинто вместе с отцом; мы смотрели телевизор, листали газеты и спорили о том, что могло случиться на льдине, а потом обедали в японском ресторане и гуляли по набережной, глядя на море. Зато теперь, сидя за своим рабочим столом над черными от правки листами, я был рядом с твоим отцом, немного сбоку и сверху, я отлично видел, как он прошел еще немного, рухнул в снег, поднялся, сделал несколько шагов, покачнулся и снова упал, а потом последним долгим движением перевернулся на спину и затих, раскинув в стороны руки и оставляя оранжевую букву "T" на белоснежной поверхности океана. Я видел, как он лежал,

¹Это папа и мама (англ.).

²Посмотри (англ.).

не двигаясь и глядя на солнце, как остальные уходили на юг все дальше и дальше, как они обнаружили, что его с ними нет, как повернули назад и как нашли его на третий день после ухода. Кто-то из них заметил что-то яркое с верхушки тороса; они взяли еще западнее и где-то через час увидели прямо по ходу неровное рыжее пятно; прошло не меньше получаса, пока они наконец не поняли, что он лежит у края широкой льдины, повернув лицо к солнцу; они пересекли льдину, встали вокруг него, закрыли засыпанные снегом глаза, завалили тело глыбами льда, постояли несколько минут, глядя на виднеющуюся в просветах между глыбами рыжую ткань, повернулись и снова пошли на юг, не останавливаясь и не смотря друг на друга; они знали, что теперь у них больше нет никаких шансов выжить.

Льдина раскололась вопреки всем расчетам; наверное, инженеры не полностью учли вибрацию, от которой лед все время дрожал под ногами; буровая установка мгновенно исчезла в разломе, унося с собой всех, кто был рядом, трещины разбежались во все стороны, и через несколько секунд все, что было на льду, оказалось под ним. Спасти удалось только пятерым, тем, кто в этот момент забирал пробы морской воды в полукилометре от лагеря; обернувшись и не увидев буровой, они побросали на лед приборы и побежали назад, но не нашли там ничего, кроме сломанного зеленого флажка с двумя желтыми буквами. У них был запас продуктов всего на один день, и они решили пойти на юг к островам. Некоторое время спустя они уже не могли вспомнить, как оказались в этих безжизненных льдах, и в их памяти не осталось ничего, кроме ощущения, что это было как-то связано с густой черной жидкостью, спрятанной между скалами под слоями земли и воды. Когда-то здесь не было льдов, и миллионы крошечных жизней заполняли теплый океан, чтобы, непрерывно изменяясь, в конце концов превратиться в тебя, меня и всех остальных, включая людей в рыжих комбинезонах. Эти люди, они искали то, что осталось от миллионов крошечных жизней спустя миллионы лет; они хотели с помощью мощных насосов высосать остатки этих жизней наверх, чтобы навсегда превратить в белый дым. Они ошиблись, нарушив неизвестные им взаимосвязи, и в белый дым превратились их собственные жизни. Я поставил точку, выключил компьютер и вышел на балкон; Лигурийский залив сверкал ледяным блеском, отражая холодное зимнее солнце. Книга вышла в Random House через полгода, а еще через год на океанском дне нашли буровую установку и несколько рыжих комбинезонов.

Наше время истекало, оно медленно вытекало из нас, истоньшая мышцы и иссушая кожу; время стекало ручейками по улицам к морю, быстры-

ми потоками несло по склонам гор, капало с крыш, било струей из садовых шлангов, тонкой струйкой сочило из плохо закрытых кранов, текло без остановки самыми разными способами, и его оставалось все меньше и меньше. Роберт уже работал в Нью-Йорке, он играл в оркестре, прилетая в отпуск не чаще двух раз в году, и мы старались сами выбираться в Америку. Когда тебя номинировали на Пулитцера, он приехал встречать нас в JFK с огромным букетом роз, а потом отвез в гостиницу и не отпускал целый вечер, расспрашивая об Италии. На следующий день мы тоже засиделись допоздна, разговаривая о музыке; он считал, что она выполняет чрезвычайно важную роль, позволяя почувствовать то, что обычно ускользает от восприятия. Наутро у тебя было несколько деловых встреч, и Роберт потащил меня в Бруклин, он хотел показать мне дом, где когда-то жили отец с мамой, он нашел его по конверту, который обнаружил у нас дома несколько лет назад. Мы проехали по широкому проспекту к самому океану, вышли из машины и немного постояли возле кирпичного шестнадцатитажного дома, возвышавшегося над пляжем; мы вернулись в "Ритц", когда уже стемнело, переоделись, спустились вниз и сели в такси. Пятая авеню разбегалась в стороны тысячами огней; таксист несколько раз оборачивался и взглядывал на тебя, желая убедиться, что ты все еще здесь. Ожидавший твоего появления мир постепенно забирал тебя к себе, и здесь, в такси, нам оставалось все меньше и меньше. Премию вручали в Колумбийском университете; хотя все было решено заранее, многим показалось, что когда объявляли номинатов на приз за лучшую фотографию, орация, раздавшаяся после твоего имени, не оставила организаторам никакого выбора. Ты взлетела на залитую белым светом сцену, твои рыжие волосы взметнулись на миллионах телевизионных экранов, и наша с тобой частная жизнь наконец превратилась в частную жизнь всего человечества.

Течение времени замедлилось после того, как ты ушла с работы; если раньше мы неслись по стремительной, складывающейся в неожиданные потоки и вихри, реке, то теперь оказались на широком неспешно движущемся просторе. Несмотря на это, приближение к точке, где время остановится навсегда, ощущалось все сильнее, и мы наконец решились поехать в Иран. Начиналась зима, в Тегеране было холодно, и торжества по случаю очередной годовщины победы были почти незаметны. Мы выехали из гостиницы ранним утром, чтобы успеть засветло проделать тот путь, который привел тебя на обложки. Больница находилась на окраине, и сразу за ней начинались горы; теперь на месте дымящихся в но-

чи развалин был памятник жертвам оккупации. Четкие тонкие линии расходились по мраморной плите от нескольких детских фигур, пересекаясь с вертикальными линиями, идущими параллельно друг другу; в точках пересечения линии, отходящие от фигур, становились прерывистыми или обрывались совсем. Это едва успевшие начаться линии их жизней пересекаются с лазерными линиями падающих с неба бомб, задумчиво сказала ты, и мы повернулись и пошли назад к машине.

Прошла весна, за ней лето; Роберт вернулся в Италию, ты перестала уезжать на съемки, мы завели кошку, и мне казалось, что я вижу ее каждый раз, когда смотрю на Сатурн, сверкающий в черном августовском небе. В первый раз я оказался в госпитале в один из осенних дней, когда начались затяжные дожди; врачам удалось поставить диагноз только через несколько месяцев; оставшееся во мне время съезжилось до незаметности, и я почти не ощущал его. Ты не отходила от меня ни на шаг, но я не всегда замечал это; солнечный зайчик висел на потолке, белоснежные простыни похрустывали под спиной, и я гулял по набережной вместе с отцом, приезжал на каникулы из университета и водил Роберта в школу, только ненадолго возвращаясь в палату. Наверное, тогда была ночь; ты дремала в кресле у стены; я осторожно встал, нашел свою одежду, спустился по лестнице и вышел на улицу, никого не встретив. Было сыро, над берегом висел туман, и сквозь него тускло просвечивали звезды. Я прошел вправо по широкому проспекту и свернул в боковую улицу; я точно не знал, где нахожусь, и поэтому обрадовался, увидев впереди ярко светящуюся вывеску кинотеатра. Перед кассой никого не было; я поздоровался, купил билет и поднялся в зал. Там было пусто, только где-то сзади сидели несколько человек; я выбрал место прямо напротив экрана и стал смотреть; фильм уже начался, и я сначала не мог понять, что происходит, а потом внезапно увидел прямо перед собой лицо отца и узнал пляж, на который мы ходили с ним в Квинто. Отец внимательно посмотрел на меня, а потом развернулся и пошел к набережной; мы поднялись на стоянку, сели в машину и через несколько минут оказались в обсерватории; отец включил компьютер, и круглый потолок над нашими головами раскололся надвое, открыв усыпанное крупными звездами небо. Негромко зажужжали моторы, черный цилиндр телескопа слегка повернулся, на стене засветился широкий дисплей, и я увидел на нем круглые белые шапки над рыжими полушариями Марса. Тебе нужно спешить, мягко сказал отец, я обнял его и быстро пошел к машине по длинной темной аллее, чувствуя, как он смотрит мне вслед. Ты уже ждала меня, сидя на переднем сиденье с тон-

кой сигаретой в руке; мы проехали через Сомервиль и остановились у дома, в котором я жил, когда учился в Бостоне; мы поднялись в мою квартиру на третьем этаже, я включил Шенберга и откупорил бутылку кьянти, а потом долго смотрел, как твои волосы темной грудой лежат на простыне и как ты, вздрогнув во сне, переворачиваешься на спину, открывая свой рыжий треугольник, окруженный белоснежной кожей. Я на несколько секунд закрыл глаза в темной пустоте зала, коротко вздохнул и поцеловал тебя в губы; ты не просыпаясь потянулась мне навстречу, я осторожно выбрался из постели, оделся и позвонил маме, что сейчас приеду. Когда я ехал от мамы, люди в рыжих комбинезонах стояли по обочинам дороги тут и там, и свет моих фар скользил по плакатам с фотографиями женских лиц в их руках. Снова пошел дождь; нефтяник с табличкой Thank you for seeing other's mirage¹ стоял перед последним поворотом, и струйки воды сбегали по его лицу. Я бросил машину у обочины и побежал наискосок через площадь; Роберт кинулся мне наперерез из-под навеса и обхватил изо всех сил, я взлохматил ему волосы и засмеялся, чтобы подбодрить его; он заплакал и разжал руки. На перроне не было ни души, поезд уже был готов отойти, все двери были закрыты; я рванул на себя ближайшую из них, она легко подалась, я впрыгнул в тамбур, и поезд тотчас же пошел, все увеличивая скорость, потом мягко оторвался от земли и помчался в направлении созвездия Весов; за окнами было темно, красный диск Марса, окаймленный белыми шапками, висел высоко на землей; я раскрыл "Дона Диего" и сел у окна; Долорес О'Риордан пела "Will you remember the dress I wore",² вокруг была чернота, и только далеко внизу, там, где железнодорожная линия резко уходила на юг, светился едва заметный огонек.

Часть третья Черная на золотом

□ Наконец поезд замедлил ход и остановился. Я спрыгнул на перрон и обернулся; ты шагнула ко мне, я подхватил тебя на руки, ты скользнула вниз своим тонким телом, и я поцеловал тебя. Проводник подал носильщичку наши чемоданы, двери захлопнулись, поезд легко тронулся с места и быстро исчез в струящемся полуденном воздухе. Ты оторвалась от моих губ, я

¹"Спасибо за то, что видишь чужой мираж" (англ.).

²"Ты будешь помнить, в каком я была платье?" (англ.).

взял тебя за руку, и мы понеслись к выходу, кружась в вышине и взлетая вместе с ласточками над желтыми плоскостями вокзала; носильщик шел впереди, толкая перед собой тележку с нашими вещами, и даже с такой высоты нам было хорошо видно, как мы с трудом успеваем за ним, слишком занятые друг другом. Мы видели, как носильщик пересек привокзальную площадь, поздоровался с таксистом и погрузил чемоданы в багажник, как я сел рядом с тобой на заднее сиденье, назвал адрес и снова взял тебя за руку, как ты повернулась ко мне, внимательно посмотрела в глаза и поцеловала. Отсюда, сверху, мы не могли разобрать, что было дальше, поскольку поднялись еще выше; я различал только прядь твоих черных волос прямо перед своим лицом, а ты не видела ничего, кроме моих закрытых глаз; когда мы наконец снизились и снова начали различать детали, машина уже катилась вдоль пляжей, люди сидели в кафе, и таксист негромко напевал что-то из Паоло Конте. Мы вышли у старинного четырехэтажного здания; таксист открыл тебе дверцу, *ero molto contento per vederla, signora, tutto il migliore, signore, spero di vederla ancora in Viareggio*,¹ а потом хотел дать свою визитную карточку, но ты не обратила на это внимания; швейцар учтиво поклонился, коридорный подхватил чемоданы, мы прошли через вестибюль с вензелем в виде буквы "V" на потолке, поднялись по широкой мраморной лестнице на второй этаж и вошли в номер. Замок защелкнулся; ты взглянула в зеркало на стене: я обнимал тебя за талию, ты смотрела прямо перед собой, слегка наклонив голову, и аккуратно подстриженные волосы падали тебе на плечи. Я расстегнул пояс на твоей юбке, ты перешагнула через нее, повернулась и стащила с меня рубашку, мы прикоснулись друг к другу, наши изображения в зеркале исчезли, и мы помчались над красными крышами домов, зелеными верхушками кипарисов и белыми очертаниями облаков, помчались до тех пор, пока не услышали, как в ванной бежит вода из незакрытого крана, как автомобили гудят за плотно запахнутыми шторами и как откуда-то издали грустный голос поет "Via, via, vieni via con me, entra in questo amore buio".² Мы пронеслись сквозь вселенную, увидев рождение звезд, гибель планет и столкновения галактик, повисли в темноте, переливаясь друг в друга, и приземлились на широкую постель посреди просторного гостиничного номера, так и не разжав руки.

Мы выбрали гостиницу на одной из улиц, ведущих к морю. Город располагался на плоском участке суши, вытянувшись вдоль автострады и ли-

¹Был очень рад встретиться с вами, синьора, всего наилучшего, синьор, надеюсь еще раз увидеть вас в Виареджо (итал.).

²"Ну, давай же, улети со мной, умчись в эту непонятную любовь" (итал.).

нии железной дороги. Широкие проспекты бежали на юго-восток вдогонку за уходящими в Рим поездами, и идущие параллельно узкие улочки с трудом поспевали следом; город рвался вперед, сжимаемый с двух сторон горами и морем, и только частая сеть поперечных улиц удерживала его на месте. Каждая из этих улиц перетягивала город с северо-востока на юго-запад, обязательно заканчиваясь пляжем, и ветер носил песок по Америго Веспуччи и Леонардо да Винчи, наметая холмики у белых стен. На этих улицах всегда было ветрено, пахло рыбой, йодом и солью, и мы недолго раздумывали. Я только недавно вернулся в Европу, родители жили в Италии, и мне было все равно, откуда летать на концерты. Города мелькали за окнами бесконечными вереницами зданий, отличаясь друг от друга только именами под словом "Departure"¹, названиями отелей и марками ожидающих меня автомобилей, и маршруты моих перелетов черными линиями ложились на золотые поверхности облаков.

Лето было свободным; я отказался от всех приглашений на фестивали, и мы остались вдвоем до сентября. Мы проводили все время вместе; я носил тебя на руках, а ты не замечала никого, кроме меня. Я просыпался первым, осторожно, чтобы не разбудить, поднимал тебя с постели и шел в душ, потом возвращался в спальню, накидывал халат и готовил кофе с тобой на руках; к этому времени ты уже просыпалась и кричала "Tu est là, chéri?"² из спальни, не думая ни о ком, кроме меня. Мое лицо возникало перед тобой, когда ты, едва проснувшись, лежала среди белых простынь, и утреннее солнце играло золотом на твоих волосах; когда ты смотрела на себя в зеркало, аккуратно подкрашивая ресницы; когда вглядывалась в синее небо над городом, сидя на балконе с чашкой кофе в руке; когда рассматривала портреты дель Сарто, сделав шаг назад и чуть-чуть откинув голову. Я стоял рядом, держа на весу твое легкое тело, а потом шел за тобой по лестнице, выходил на улицу, щурился от яркого света, возвращался к машине, останавливался рядом с пляжем после часа быстрой езды, бросал на песок одежду и бежал к морю, не опуская тебя на землю, а ты шла сзади, так и не заметив никого, кроме меня. Мы прожили так около двух месяцев; в конце августа позвонил твой агент, тебе пришлось срочно уехать в Париж, и лето закончилось.

□ Во французском кино был спад, тебя почти не снимали, и ты часто летала вместе со мной. Мы раскладывали вещи, переодевались и отправлялись посмотреть зал, а оттуда шли гулять, если оставалось время.

¹ "Отлет" (англ.).

² "Ты здесь, милый?" (франц.).

Еще недавно скучные и плоские, города сразу же оживали, приобретая глубину и объем; Тауэр гордо расправлял плечи над Темзой, Буда ловко взбиралась по придунайским холмам, замок Ив отрешенно замирал перед обрывом, Большой Базар настойчиво тянул за рукав. Живые и яркие, города появлялись перед нами, предлагая знакомство, и мы не могли отказаться. Безраздельные хозяева на своей территории, они делали с нами все, что хотели; Сидней катал на пароходиках через залив, Нью-Йорк кормил на улицах хот-догами, Гамбург заталкивал в привокзальные пивные, Стокгольм гонял по улицам под ледяным дождем, но мы были согласны на все, поскольку другого способа познакомиться с ними у нас не было. Прошло время, и у нас появились знакомые на всех континентах; многие из них стали нашими друзьями, мы всегда могли остановиться у каждого из них, и каждый из них всегда был рад нашему приезду.

После нескольких лет затишья джаз снова вошел в моду. Меня приглашали чаще, залы увеличивались в размерах, рецензии становились лучше; одна из них, в "Le Monde", была озаглавлена "Les temps multiples"¹. Автор подробно описывал специфику действия на слушателей каждой из композиций, в конце концов приходя к выводу, что присутствовавшие на концерте могли свободно перемещаться между настоящим, прошедшим и будущим временами, находясь одновременно в каждом из них. В самом деле, когда я играл, из всех времен для меня существовало только настоящее, которое одновременно являлось прошедшим и будущим; мой рояль становился дорогим автомобилем с золотыми огнями прожекторов на черных лакированных крыльях, который свободно перемещался во времени. Особенно хорошо мне удавались путешествия в прошлое; вплаывая его в настоящее, я мог отправиться куда угодно. Путем простого варьирования таких несложных вещей, как последовательность клавиш, сила удара по ним и периодичность этой силы, я мог перемещаться между средневековой Италией, древними равнинами Скандинавии, доисторическими холмами Ирландии, экваториальной Африкой тысячелетней давности и побережьем Мексиканского залива эпохи Гражданской войны; я мог остановиться в каждом их этих времен, осторожно взять его пинцетом, расправить на покровном стекле микроскопа и рассмотреть во всех деталях; я мог делать со временем все, что хотел, пока звучала музыка. Играя, я мог забраться куда угодно и увидеть то, чего не мог увидеть никто; разумеется, кроме музыкантов. Концерты Баха, вальсы Шопена, симфонии Моцарта висели в темноте истории, освещая мне дорогу, и я передвигался

¹ "Множественные времена" (франц.).

между ними, аккуратно следуя инструкциям, напечатанными на бумаге в виде ногтных знаков. Я возвращался из этих путешествий не раньше полуночи, наполнял бокал вином, ложился в постель и читал "Три счастья дона Диего". Эту странную книгу когда-то подарил мне отец; точно такое же издание я видел на полке у деда. Приверженец точных формулировок, дон Диего считал, что часть судьбы передается по наследству так же, как характер, цвет глаз и склонность к полноте. Эта мысль всегда казалась мне интересной, хотя, пожалуй, больше всего мне нравились его рассуждения о том, что мужчина живет трижды, и что жизнь детей отличается от жизни отцов, как две фотографии одного пейзажа, снятые с небольшим поворотом камеры; я часто перечитывал это место, выключал свет и долго рассматривал эти фотографии в темноте, перед тем как уснуть.

□ В ноябре мы купили просторный пентхаус, где я мог играть сколько угодно, не заботясь о соседях. Зимой я разучиваю новую программу; я играю ее тебе по вечерам, пальцы взлетают над клавишами, огонь прыгает по углям в камине, и я твердо знаю, что мы можем все изменить своими руками. Всего-навсего вот этими слабыми тонкими руками, мелькающими передо мной в сложном, не всегда уловимом ритме. Я знаю, что мы можем изменить все, от нашего места в истории до самых границ мироздания; я играю тебе, и мир, еще несколько мгновений назад огромный и цветной, внезапно становится очень маленьким и черно-белым, уменьшаясь до блестящей в ярком свете крышки рояля и длинных тонких клавиш. Мир становится гибким, как пальцы пианиста, и с легкостью меняет свои размеры. То уменьшаясь до блика на клавишах, то расширяясь до видимых границ Вселенной, мир прыгает по комнате ярким надутым мячиком; неожиданное замедление темпа превращает мячик в медленно плывущее облако, которое внезапно становится выпущенным из мортиры ядром, в конце концов снова превращающимся в мячик. В этот момент я знаю, что нет ничего неизменного. И ничего абсолютно. Я знаю, что мы можем без труда менять размеры мироздания, сжимая его до точки стаккато и растягивая до бесконечности арпеджио с любой нужной нам скоростью, ускоряя и замедляя движение исключительно в соответствии с тем, что мы чувствуем. Мы, нескладные, юные до неприличия, с пузырями на коленях концертных брюк, надеваемых два раза в году, в белых рубашках с острыми стрелками на рукавах, — и мы, прожившие свою жизнь до конца, усталые, сгорбленные, в роскошных фраках, бабочках и туфлях от YSL — вы никогда не поверите нам, но мы в са-

мом деле умеем это. И научившись этому в детстве, мы теперь с легкостью можем уменьшать весь мир до размеров лиц своих любимых и тут же разворачивать его от начала и до конца истории, сливаясь с ними на несколько секунд и навсегда. Мы умеем сделать так, чтобы весь мир был для нас только этим и чтобы в этом для нас был весь мир. Я играю тебе и знаю, что жизнь нам уже удалась, независимо от того, что еще с нами будет.

Отсутствие нижнего белья в тот год снова вошло в моду, и уже в мае ты перестала надевать что-либо под платье. Летом особенно популярными стали мини, и когда я поднимался за тобой по лестнице, было хорошо заметно, что ты регулярно читаешь Vogue. Первое время я по привычке пропускал тебя вперед; это имело самые неожиданные последствия, мы кидались друг на друга уже через несколько ступенек, не обращая внимания на остальных, и нам не было нужно ничего, кроме отдельной комнаты, но когда я однажды опоздал на самолет, ты перестала подниматься по лестнице первой. Танцевальные вечеринки были особо пикантными, теплый ветер с моря, Asti Spumante, случайные касания готовых ко всему тел; в один из таких вечеров я начал раздевать тебя еще за столиком, я стягивал с тебя тонкие полоски ткани в такси, на улице, в прихожей; когда мы вошли в спальню, на тебе были только серьги и черные чулки с тонкими кружевными подвязками. Твое тело было идеальным пособием для изучения анатомии французской актрисы, невысокий рост, хрупкая талия, стройные ноги, узкие бедра, черные волосы, небольшие груди, маленькие ступни, изящные лодыжки и чуть выпуклый живот с обязательным темным островком внизу, как на портретах Тулуз-Лотрека. Я был прилежным учеником и вскоре знал все твои самые укромные, самые теплые, самые влажные местечки; я досконально изучил этот увлекательный предмет, который быстро стал моим самым любимым из всех, какие мне встречались когда-то. Через какое-то время ты признала меня настоящим специалистом в этой волнующей области, и я даже подумывал сделать альбом фотографий того, что не могла видеть так отчетливо даже ты — ничего личного, никаких фамилий, только крупные планы — но ты сказала, что тогда действительно превернись в пособие по анатомии, и я оставил эту идею.

 Мы жили высоко над землей, наши окна выходили в летнее итальянское небо. Мы просыпались поздно, когда солнце уже заливало всю спальню, оставляя на стенах колеблющиеся прямоугольники света. Свежий утренний мир вибрировал, дрожал и колыхался; подхваченные его движением, мы осторожно прикасались друг к другу, еще раз, еще раз, по-

том еще и еще; волны света прокатывались над нами, колебания воздуха вливались в нас из распахнутых окон; одеяла волнами стекали на пол; наши движения, убыстряясь, приобретали ритм, созвучный ритмам воздуха и света, и когда эти ритмы в конце концов совпадали, колышущееся в глубине счастье заполняло нас до краев, расплескивалось на простыню, заливало постель, перетекало на ковер, растекалось к стенам, окружало стулья и кресла, подбиралось к столу, затопляло всю комнату, взбиралось на подоконник и в конце концов переливалось через край и выплескивалось наружу. В такие дни прохожие пахли тобой; когда я спускался вниз за газетами и кьябаттой, запах твоих духов висел над улицей, как колокольный звон Сан Паолино; от идущих навстречу мужчин веяло тонким ароматом твоего белья, за торговцем газетами тянулся сложный букет твоих шампуней; я заходил в пекарню и сразу чувствовал, что от булочки исходит odeur âpre¹ твоего тела, а когда снова подходил к нашему дому, липкая влага счастья обдавала меня с головой, сводила с ума и заставляла лететь вверх по лестнице через две ступеньки, роняя хрустящие пакеты.

Способность музыки переносить информацию всегда была известна философам; первые нейрофизиологические эксперименты, подтвердившие это, были проведены в начале века вскоре после смерти Ксенакиса. Протянувшись через историю, музыка соединяла между собой мелькающие в доисторической темноте пятна света, и экспериментаторы пытались понять, как именно это происходит. О том, что музыка per se сообщает не так много, а главным образом переводит слушателей в состояние необычной реальности, характеризующееся чрезвычайно высокой чувствительностью к тонкому устройству вселенной, стало известно только в последние годы. Лихорадочные поиски оптимальных экспериментальных условий начались сразу после первой публикации в *Nature Cognitive Science*,² в них принимали участие лучшие музыканты планеты. Были изучены все жанры музыки, от примитивных песнопений до постквизигипермодернизма и все сочетания инструментов, от сольных партий до больших симфонических оркестров, ощущения испытуемых фиксировались последними нейрофизиологическими методами, но обнаружить что-то по-настоящему сенсационное пока не удавалось никому.

Меня впервые пригласили в Принстон, когда возможности джазовой музыки были известны только в общих чертах. Было установлено,

¹Терпкий запах (франц.).

² "Природа. Когнитивные науки" (англ.).

что джаз в значительно большей степени, чем классическая музыка, воздействует на тонкую эмоциональную сферу, резко увеличивая способность к восприятию частных, подробностей, деталей. Классические произведения, напротив, позволяли лучше ощутить общие закономерности, свойства, архетипы, активируя системное восприятие. Все было очень похоже на обычный концерт — заполненный до отказа зал, тишина и золотые блики на черной крышке рояля — за исключением того, что все зрители были в одинаковых шапочках, под которыми прятались электроды. Сигналы от разных участков мозга передавались на центральный процессор, регистрировались и сравнивались с известными паттернами. Я начал с сонат Кэйджа, и время заструилось вокруг нас с постоянно меняющимися скоростями; оно сжималось в сгустки, собиралось в вихри, взлетало к потолку, разлеталось по сторонам, распадалось на мельчайшие капли, которые взмывали вверх, перемешивались друг с другом в причудливом танце и снова соединялись в знакомую однородную субстанцию, монотонно заполняющую пространство. Постоянно меняющийся ритм давал возможность ощутить неоднородность течения времени и почувствовать его внутреннюю структуру. Надтреснутые звуки шестнадцатой сонаты растворились в темноте; я выпрямился, переждал аплодисменты и заиграл Гершвина. Легчайшая мелодия мгновенно наполнила зал, вытеснив воздух, пространство и все остальное, время остановилось, застыв вокруг нас огромным белым кристаллом, и мы оказались замороженными в него и неподвижно сидели внутри, не в состоянии пошевелиться и только разглядывая прожилки в его прозрачной глубине и трещинки, остающиеся на гладкой поверхности после каждой ноты, сидели до тех пор, пока последний аккорд не превратился в тишину, разрушив правильную структуру. Результаты принстонского эксперимента были опубликованы примерно через два месяца; авторы отметили необычно высокую активацию участков, ответственных за обработку временной информации, описали периодичность чередования нервной активности и предложили гипотезу о существовании субъективного кванта времени.

Отец с мамой в то время бывали у нас нечасто; отец много писал, а мама присматривал за домом. Вскоре отец заболел; потом оказалось, что он завещал передать мне некоторые бумаги, мама привезла их дождливым осенним днем в большой плетеной коробке. Стемнело; я разжег камин и сел к огню. В коробке оказались набросок повести, несколько рассказов и две страницы, исписанные четким почерком деда, я хорошо помнил, как он объяснял мне принципы межпланетных путешествий, делая рисунки

в блокноте. Сверху рукой отца было написано "Это может тебя заинтересовать", и пририсован смайлик. Обе страницы были заполнены записями о джазовой музыке, сделанными в Голландии задолго до моего рождения. Джаз демократичен, писал дед, сольные партии здесь всегда сменяют друг друга, и каждый имеет возможность высказаться; и еще: это не трубочка извлекает музыку из своего инструмента, это труба извлекает музыку из трубочки; и в самом конце: если что-то и может остановить насилие, то это музыка; поэтому если вы хотите прекратить войну, то вместо десятка лазерных бомб сбросьте на неприятельские города десяток первоклассных джазистов. Я перечитываю записи еще раз, потом читаю рассказ отца о нашей поездке в Верден много лет назад, оставляю бокал на столе, сажусь за пианино и играю до тех пор, пока не засыпаю прямо за инструментом; я просыпаюсь утром на диване, ты сидишь рядом со пенящимся стаканом "Сан-Пеллегрино" и задумчиво говоришь, *je ne t'ai jamais vu si ivre.*¹

Возможность прожить еще одну жизнь в каждой новой роли интересовала тебя в кино больше, чем признание, известность и слава. Ты говорила, что тобой руководит инстинкт сохранения рода и что твоя жизнь продолжается в твоих героинях. Ты подолгу носила каждую роль в себе, носила до тех пор, пока она не вживалась в тебя, наполняя изнутри твое тело; тогда ты менялась, переставая быть просто самой собой, и превращалась в сложное переплетение себя и своей роли. Ты покупала новые духи, одежду и обувь, меняла прическу, косметику и походку, у тебя появлялось новое выражение лица, ты начинала интонировать по-другому, даже в постели ты вела себя не так, как раньше. Теперь ты могла играть свою роль, и тебя ждал успех, однако проходило время, и роль отделялась от тебя и начинала свое самостоятельное существование; ты еще играла ее, но уже не с тем блеском, и было видно, что каждая из вас уже давно сама по себе. В конце концов, ты бросала ее и снова становилась собой, и твоя жизнь опять текла, как всегда, в ожидании новой роли. Осенью ты заинтересовалась детскими игрушками; было ясно, что ты готовишься играть что-то новое. Ты бродила по магазинам, выписывала каталоги и делала заказы; потом ты перешла к детской одежде, шапочки, кофточка, распашонки, ты обдумывала фасоны, прикидывала размеры и составляла списки. Как всегда при подготовке новой роли, ты занималась этим у всех на виду, но когда я спрашивал тебя, кого ты собираешься играть, ты только пристально смотрела на меня и улыбалась в ответ. Прошло около месяца, и ты начала

¹Я никогда не видела тебя таким пьяным (франц.).

полнеть; заметив это, я прервал репетицию, спустился в аптеку и вернулся с тонкой пластмассовой палочкой, похожей на термометр. *Pourquoi*,¹ сказала ты и опять улыбнулась, *tu le sais de toute façon, tu as déjà tout compris*.² Это была твоя лучшая роль, ты блистательно сыграла ее на одном дыхании, и даже когда, уже в монпарнасском госпитале, тебе понадобился кислород, ты все равно ни на секунду не сбилась с ритма, расставляя акценты в самых нужных местах — отброшенной на подушку тонкой белой рукой, изломанными в коленях длинными стройными ногами, лежащим на простыне маленьким детским телом. Ты сыграла эту роль так хорошо, как могла, вложив в нее весь свой талант, умение и силу, и ты добились своего. Твоя роль отделилась от тебя и превратилась в Майкла.

С самого рождения жизнь Майкла была насквозь пропитана музыкой. Когда он родился, плэйер у твоей постели играл Кейт Буш, когда ты в первый раз кормила его грудью, в палате звучал Нино Гальярди, когда я забирал вас домой, в машине пел Эрик Клэптон, когда мы вошли в дом, по TSF шел концерт Мишеля Петруччиани. С тех пор звуки пианино, рояля, аккордеона, напевы скрипки, виолончели, контрабаса, голоса тромбона, саксофона, трубы, ритмы барабанов, тарелок, литавр все время окружали его; он засыпал под *The Beatles* и просыпался под *Marvelous Magics*, он завтракал с Прокофьевым и ужинал с Тер-Петросяном, Дайана Вашингтон провожала его на прогулку нежным *Mad About The Boy*, Дин Мартин встречал ласковым *Everybody Loves Somebody*. Музыка окутывала его со всех сторон, она ласкала его кожу, перебирала волосы, проникала в тело; ноты кружили над ним, то замирая долгим *lento*, то заходясь неожиданным *vivace*, и в детстве он играл с ними, как с подброшенными в воздух конфетти, пытаясь поймать их на лету, пока они не умолкли. Я часто брал его с собой на концерты, и он без труда просиживал всю программу в первом ряду, не отводя взгляда от сцены и следя за тем, как ноты отрываются от рояля, взмывают вверх и исчезают за колосниками. Так прошло несколько лет, и когда он наконец вырос и пошел в школу, он хорошо знал то, что в начале своей жизни твердо знают, а потом навсегда забывают все дети: он знал, как устроен мир.

В мае мы, как всегда, поехали в Канны; ты не пропустила фестиваль ни разу за последние десять лет. Когда мы вышли из лимузина и шли по красному ковру к фестивальному залу, ты так неловко подняла руку, при-

² Зачем (франц.).

³ Ты и так это знаешь, ты уже все понял (франц.).

ветствуя кого-то, что бретелька твоего свободного черного платья соскользнула с плеча, обнажив загорелую грудь. На следующий день твои фотографии появились в газетах, вздернутая от удивления бровь, коричневый кружок соска, глубокий черный вырез на золотой коже. Кое-кто посчитал, что ты просто решила повторить старый трюк Софи Марсо — признавая при этом, что у тебя он получился еще лучше; как бы то ни было, через месяц на твоём столе лежало не меньше десятка новых предложений, и из твоей единственной жизни быстро возникло множество других. В течение нескольких лет ты успела побывать настоятельницей монастыря в Бретани, комиссаром полиции в Лотарингии, первой леди Америки, последней королевой Франции, атаманшей разбойников, директрисой банка, возлюбленной Бальзака, любовницей Модильяни, ты превращалась в древнегреческую служанку, средневековую крестьянку, венецианскую принцессу, кастильскую маркизу, ты оказывалась знаменитой художницей, устраивающей инсталляции с голографическими изображениями живших когда-то давно, или телевизионной ведущей, выпускающей первую в истории Афганистана передачу о сексуальном воспитании, твои жизни усложнялись, их становилось все больше, и в каждой из них было многое от тебя, но это все-таки уже не была ты.

Майкл рос, он уже заканчивал школу; музыка все еще звучала вокруг него, он до сих пор знал, как устроен мир, и его жизнь становилась все шире и шире, она разливалась перед ним привольным весенним паводком, расступалась светлой лесной опушкой, открывалась широким распаханном полем, которому, казалось, не будет конца. Хорошо зная, что это не так, он серьезно отнесся к выбору дороги; вначале он обошел все окрестности, а затем поднялся на холм и осмотрел в бинокль то, что виделось вдаль. Через много лет он рассказал мне, что с вершины холма увидел деда, который смотрел на небо, стоя вполоборота к нему; тогда он тоже посмотрел вверх и увидел, что солнечный диск покрыт черными пятнами и что по ним пробегает оранжевые облака. Майкл блестяще закончил астрономическое отделение в Беркли, проработал несколько лет на Гавайях и поехал строить новую обсерваторию в Одессе.

Тебе предложили эту роль, когда началась весна. Когда-то эта история всколыхнула мир, но прошло время, и о ней забыли. Ты должна была сыграть американскую порнозвезду Эйнджел Мэй, карьера которой успешно складывается до тех пор, пока у ее бой-френда не обнаруживают вирус СПИДа. Тебе везет, как раз в это время ты на несколько месяцев улетаешь

в Нью-Йорк, и с тобой ничего не случается. Несмотря на специфику своей профессии, ты любишь его, и когда через несколько лет он умирает, ты бросаешь работу и уезжаешь из Калифорнии в Южную Африку. Заболеваемость СПИДом к тому времени достигает там невообразимого уровня в пятьдесят процентов, и ты решаешь истратить свою жизнь на то, чтобы его уменьшить. Масштабы эпидемии во многом объясняются непопулярностью среди населения противозачаточных средств; ты предлагаешь использовать свой опыт, для того чтобы убедить местных жителей в их обязательности. На средства Всемирной организации здравоохранения ты разворачиваешь рекламную кампанию по телевидению и в печати, однако опросы показывают, что кампания оказывается неэффективной. Ты организуешь бесплатную раздачу презервативов и распространение информационных листовок, но статистика обнаруживает, что и эти меры не дают никакого эффекта. Тогда ты решаешься на крайний шаг и предлагаешь каждому обладателю документально заверенного диагноза "СПИД" лечь с тобой в постель при условии, что он воспользуется презервативом в точном соответствии с инструкцией. Ты объявляешь об этом в прямом эфире во время очередной передачи о борьбе с этой грозной болезнью; передачу тут же прекращают, но многие успевают услышать твои слова. Через несколько часов по названному тобой адресу собираются сотни мужчин; прибывшая полиция получает указание следить за порядком, но ни во что не вмешиваться. Ты появляешься поздно вечером в сопровождении нескольких охранников, молча проходишь через толпу, оборачиваешься перед дверью, берешь за руку того, кто оказывается ближе всех к тебе, и вместе с нимходишь в дом. Там подготовлена профессиональная киностудия, задачей которой является подтверждение факта интимной близости; в обязанности расположенной в соседней комнате лаборатории входит взятие крови у всех участников факта как до него, так и после. К вечеру следующего дня ты успеваешь вступить в близкие отношения со ста четырьмя документально подтвержденными вирусоносителями, после чего теряешь сознание; снаружи начинаются беспорядки, полиция разгоняет собравшихся, и тебя увозят в госпиталь. Первые результаты анализов крови на присутствие вируса появляются на следующий день: как и следует ожидать, они положительны у всех, кроме тебя. Ты исчезаешь на три месяца, которые необходимы для размножения вируса в организме до детектируемых концентраций; ты летишь в Японию и проводишь все это время, путешествуя по Хоккайдо. К этому времени твоя история становится широко известной, и когда ты наконец возвращаешься в Йоханнесбург для повторной сдачи крови, в аэропорту тебя

ждут журналисты. На следующий день пресс-релиз госпиталя об отрицательных результатах повторных анализов перепечатывают все ведущие газеты мира; телеканалы предлагают тебе любые деньги за пленки, снятые в тот день, но ты отказываешься от всех предложений; проходит пять лет, и заболеваемость СПИДом в Южноафриканской Республике уменьшается на двадцать процентов, сохраняя жизнь шести миллионам.

Фильм вышел в прокат через два года. Кадры пустынных улиц южноафриканских городов сменялись изображениями уходящих за горизонт кладбищ, застывшие лица терминальных больных мелькали среди тупых физиономий порноактеров, сцены жесткого секса чередовались с картинами полицейского произвола, оставляя после себя только горечь, гнев и отчаяние. Твоя стройная фигурка то и дело появлялась на экране, опоясанная ремнем талия, тщательно выбритая кожа, черное кружевное белье; калифорнийские продюсеры хорошо знали свое дело, постельные сцены были искусно подсвечены в темноте, и твоё тело мягко сияло янтаре в желтом свете софитов. Зеленые холмы Калифорнии превращались в золотые пустыни Африки, иссохшие деревья, заметенные песком дороги, черные силуэты у обочин; горе расправляло твоё искаженное желанием лицо, энергия наливалась его, усталость замораживала в безразличной маске, чтобы в конце концов растопить верой и наполнить уверенностью и надеждой. Фильм прошел по всему миру, о нем писали везде, он получил несколько премий в Европе, вызвал серию скандалов и потряс несколько государств; Всемирная организация здравоохранения отметила тебя специальной наградой, и хотя ты не получила Оскара, золотую пальмовую ветвь или венецианского льва, спасенные шесть миллионов навсегда остались рядом с тобой в бездонном африканском небе глыбами света, стутками солнца, сияющими шарами.

Опубликованные незадолго до этого сенсационные работы Платонова, придавшие научный характер метафизическому понятию бессмертной души, сделали возможным неожиданную интерпретацию музыки как способа ощутить присутствие тех, кто ушел не так давно. Присутствие понималось как влияние на тонкую структуру вселенной; предложенный алгоритм корреляционного моделирования позволял оценить ее состояние в течение нескольких лет как функцию наличия отдельного индивидуума; музыка выполняла роль усилителя, позволяющего проверить точность оценок. В то время корреляционное моделирование позволяло достигнуть необходимого уровня сложности в предсказании тонкой структуры

на промежутки до десяти лет, что быстро привело к неожиданным результатам. Я в первый раз услышал об этом, вернувшись домой после концертов в Германии; у моря уже было тепло, луна висела низко над берегом, и я долго сидел на балконе, снова и снова вглядываясь в только что увиденные кадры. Незнакомый мне пианист играл пьесу Бриттена, золотые линии бежали по черным экранам, и взволнованный голос объяснял что-то о жертвах недавней войны. Я досмотрел передачу до конца, наполнил бокал фраскати и сел перед камином с "Доном Диего" в руках. Мне оставалось уже совсем немного, я был где-то на середине третьей части; дон Диего прогуливался по красным стенам Альгамбры, объясняя собеседникам, что человек реализует лишь незначительную часть своих возможностей, что жизнь имеет конфигурационный смысл и что поэтому каждый имеет право выбирать себе родину. Я перевернул страницу, и мне внезапно стало жаль дона Диего, который всегда твердо знал, что в его жизни будут три любви, каждая из которых будет последней. Прошло уже много времени с тех пор, как мы приехали в Виареджо, и я уже знал, что не только мы пишем книги, но и что книги тоже пишат нас.

Я прилетел в Принстон вскоре после Columbus Day; золотые пятна лесов сверкали на черных квадратах полей в прозрачном воздухе под ярко-голубым небом. На этот раз обстановка в зале больше напоминала лабораторию накануне решающего эксперимента. Экраны приборов тускло светились в проходах, разноцветные линии пробегали по ним в полутьме, и техники суетились вокруг, негромко переговариваясь по мобильной связи. Сначала я сыграл скандинавов, Андерсена, Густавсена и EST; прошедшее время возникло из темноты, сгустилось вокруг воспоминаний, наполнилось забытыми подробностями и стало перетекать в настоящее; знакомые лица, истертые десятилетиями в пыль, закружились над рядами, взлетели к потолку и заняли все пространство; я доиграл "The Ground" и перешел к индоджазу. Причудливая мелодия спиралью ввинтилась в воздух и потянулась от кресла к креслу, стягивая прошлое с настоящим; Ларри Портера сменил "Wake up and smell the curry"; то, что произошло когда-то, объединилось с тем, что было сейчас, границы между *тогда* и *теперь* исчезли, и тягучие ноты соединили два времени в одну сложную картину. Со всех сторон нас окружали тысячи линий, они бежали от лиц к предметам и событиям, рядом с которыми висели даты в виде маленьких аккуратных табличек; линии перекрещивались сотни раз, но мы могли различить ход каждой из них, поскольку они отличались друг от друга упругостью,

тонкостью и цветом. Исчезновение времени упростило взаимосвязи и сделало их доступными; я видел, как извилистая линия, идущая от молодого мужчины с фотографией золотисто-оранжевой планеты, несколько раз пересекает Атлантику, вьется вокруг Италии, пронизывает квартиры, гостиницы, лаборатории, проходит сквозь автомобили, самолеты и поезда, пока наконец не останавливается в штате Нью-Джерси; я смотрю на табличку, вижу там сегодняшнюю дату и понимаю: он — здесь; а потом всматриваюсь в его постаревшее лицо и понимаю: он здесь, потому что я его помню. Я сделал паузу и заиграл пьесу для флейты сякухачи в переложении для фортепьяно; темнота превратилась в тьму, в которой постепенно растворились предметы, события и лица; в конце концов вокруг нас остались одни линии, они уплотнились и начали фосфоресцировать; я взял последнюю ноту и встал из-за инструмента; время появилось вновь, распадаясь на прошлое и настоящее, и линии исчезли. Обработка всех нейрофизиологических данных заняла почти полгода; строгая синхронизация активностей в зонах пространственного восприятия и памяти была отмечена у всех находившихся в зале. Одновременно лаборатория Платонова провела свои расчеты присутствия для тех, чьи лица мы видели над собой; их оказалось больше ста. Вычисления показали, что в этот вечер влияние на структуру вселенной со стороны каждого из них было наибольшим на восточном побережье США. Вероятность совпадения была ничтожной; прошло несколько лет, и за эти работы Платонову вручили Нобелевскую премию по математике. На пресс-конференции после торжественной церемонии кто-то из журналистов спросил его, как именно, с математической точки зрения, может выглядеть эффект присутствия. Платонов на секунду задумался и сказал, с математической точки зрения — шорохом листьев, плеском волн, линией облаков.

После этого концерта я перестал выступать; у меня появилась уверенность в том, что все уже сделано. Ты снималась все реже и реже, и мы начали возвращаться туда, куда нам всегда хотелось вернуться. Мы побывали в Японии, Новой Зеландии и Аргентине, остановились в Монреале, Гданьске и Ливерпуле. В Севилье мы сняли номер недалеко от площади Испании; заканчивался апрель, погода была прекрасной, тебе было нужно в Париж только через неделю, и мы могли делать все что угодно. Мы могли отправиться к реке, спуститься по высокому склону, сесть среди травы и смотреть, как маслянистая мутная вода медленно течет к океану. Мы могли пойти в старый город и бродить там до темноты по узеньким улочкам, рассматривая редких прохожих и прислушиваясь к далеким звукам

фламенко. И мы могли пройти два квартала вверх от собора по оживленной обсаженной деревьями улице, свернуть направо в узкий переулок, услышать доносящуюся откуда-то музыку, остановиться перед маленькой таверной, зайти внутрь и остаться там навсегда. Стоять у входа, слушая выплывающие из глубины звуки; заказывать риюху стакан за стаканом; передвинуться вглубь, оказавшись лицом к лицу с тремя музыкантами, сидящими на темных деревянных скамьях; музыканты одеты в испанские костюмы, из всех инструментов у них только гитары и голоса; просидеть до закрытия, хлопая в такт вместе со всеми и осторожно подпевая незнакомым словам; поселиться в маленькой комнате на втором этаже в этом же доме; спускаться вниз каждый вечер, услышав, как они снова поют на три голоса; научиться шутить по-испански; постепенно заменить стареющего хозяина; расставить по деревянным полкам старые радиоприемники, репродукторы и телефоны; здороваться с каждым посетителем, предлагая ему рюмку малаги; приводить сюда своего слепого соседа, помогая ему протиснуться через толпу и подойти к музыкантам, а потом пройти мимо полка с радиоприемниками и осторожно потрогать каждый из них; найти хорошего врача, понимающего в артрите; передать дело сыну, когда зрение совсем ослабеет; заранее договориться о похоронах и оплатить выбранный участок; покачнуться и упасть во время пения "Сеньоры"; увидеть свое лицо, пролетая над маслянистой мутной водой, медленно текущей к океану; увидеть и улететь навсегда. Можно было сделать все это, но тебе было нужно в Париж, и спустя неделю мы сложили вещи и поехали в аэропорт к своему самолету.

В конце концов мы перестали путешествовать; в какой-то момент мне стало ясно, что многие уже не замечают нашего существования, а некоторые просто проходят через нас, ничего не увидев. Оставшееся у нас время исчезало все быстрее, и мы исчезали вместе с ним; мы пропадали в темноте пустых комнат, терялись в зарослях садовых дорожек, испарялись в духоте летних ночей; мы превращались в пар, поднимались над землей, собирались в облака, сгущались в тучи, проливались дождями, пробегали ручьями, напивывали реки, вливались в моря, смешивались с миллионами таких же, как мы, снова испарялись и в конце концов растворялись во вселенной до такой степени, что наше присутствие могли обнаружить только самые близкие люди.

Зима была холодной, и в феврале я заболел. Наверное, мне нужно было еще побыть дома, но наступили ясные дни, и я решил пойти к морю. Ты

улетела во Францию на неделю, и я в одиночестве прошел около километра вдоль пляжа; с моря дул ледяной ветер, и я очень замерз. К вечеру я почувствовал слабость и лег в постель; я проснулся утром; фотография мужчины с ребенком на руках, сделанная мамой много лет назад, висела на стене, как всегда; в комнате было очень холодно, я с трудом сделал себе кофе и снова уснул. Когда я открыл глаза, было темно; я решил выпить чего-нибудь покрепче, чтобы наконец согреться, нашел только вино и решил пойти вниз и пропустить стаканчик у Луиджи. Мне было трудно дышать, но я все же выбрался из постели, оделся, спустился в кафе и прошел к своему месту; зал был ярко освещен, и на столиках горели свечи. Луиджи поставил передо мной рюмку граппы; дым от свечи метнулся в сторону, описал причудливую фигуру и снова застыл четкой вертикальной линией. Я отпил немного, обвел взглядом зал и снова посмотрел на дым; он изогнулся над столиком и собрался в волну; я отвел взгляд, улыбнулся Луиджи, повернулся к свече и увидел, как волна набегает на берег и разбивается о песок. Мы с тобой сидели на широком пляже недалеко от Марселя, солнце садилось, и Майкл строил замок у самой воды, забыв про игрушки. У выхода в море залив сужался метров до пятидесяти, и Майкл даже самостоятельно переплыл его однажды, не глядя на воду и постоянно поглядывая на меня. Там было глубоко, и камни громоздились на дне огромными темными пятнами, слишком большими для начинающего пловца. Солнце исчезло за мысом, и сразу стало холодно; над берегом замелькали снежинки, и мы прыгнули в воду и поплыли вперед, расталкивая маленькие прозрачные льдинки. Волна от катера качнула нас, поднялась к потолку и превратилась в сизое облачко, нависающее над свечой; я глотнул граппы, и облачко расслоилось в ступеньки каменной лестницы, взбегающей по склону холма между двумя рядами зданий. Горели фонари, ты сидела рядом со мной на верхней ступеньке, положив голову на мое плечо, густой воздух июльской ночи неподвижно висел вокруг нас, и золотые звезды тускло светили на черном небе. Мы поднялись на рю Лепик, нашли машину и поехали на юго-запад, оставляя за спиной вокзал Сен-Лазар, мост Согласия и набережные Сены; площадь ворот Сен-Клу промелькнула в темноте, мы промчались по скоростному шоссе, свернули на проселок, въехали в лес и остановились у обочины. Черные деревья стояли по сторонам, закрывая от нас небо; мы прошли по едва заметной тропинке, нашли знакомую поляну и легли на траву лицом к звездам. Мы пролежали в темноте до рассвета, сливаясь друг с другом и вдыхая запахи леса; к утру земля покрылась инеем, и стало морозно; мы вернулись на Монмартр в застывшем ле-

дяном воздухе и пошли к тебе по скрипучим ступенькам, выдыхая клубы белого пара, которые поднимались вверх, повисали над нами, качались, дрожали и сливались в облака. Я посмотрел перед собой; рюмка была пуста, и я поднял ее и махнул рукой Луиджи. Облака постепенно распались на широкие рваные ленты и растворились над головами посетителей; дым от свечи описал петлю, опустился вниз и вытянулся в тонкую линию дороги, идущей через степь к горизонту; кто-то шел по ней, удаляясь; я присмотрелся и узнал знакомую фигуру деда, он шел через степь к горизонту, и поземка плясала за его спиной, засыпая следы и наметая сугробы. Потом я увидел, как у дороги появился чей-то силуэт; поднялась метель, и я долго не мог разобрать, кто это, но потом наконец понял, что это отец; дед ненадолго остановился возле него и снова пошел вперед, все дальше и дальше, его уже почти не было видно за белой стеной снега, когда я скорее почувствовал, чем увидел, что он снова остановился возле кого-то, и тут же понял, что этот кто-то — я. Ледяной ветер обжигал мне лицо, снежные хлопья залепляли глаза, и я повис у деда на шее, чтобы заставить его вернуться назад, но он не взглянул на меня, а только коротко обнял и толкнул в снег, а потом что-то крикнул через пургу и исчез. Свеча догорела; я встал и не оглядываясь пошел к выходу. На улице было холодно, и в воздухе кружились редкие снежинки; я свернул в переулок, пересек площадь, прошел мимо закрытых касс и вышел на перрон. Поезда еще не было; я прочел несколько рекламных афиш, прошел вперед до конца и увидел два желтых огня за белым мельканием снега. Состав медленно протянул мимо и замер, вздрогнув стыками; двери беззвучно раздвинулись, я прошел по коридору, выбрал купе и сел у окна. На перроне не было никого; снег бесшумно падал в белом свете фонарей. Поезд плавно тронул с места и пошел, быстро увеличивая скорость; пятна снега, вьющиеся вокруг случайных огней, попадались все реже, пока не пропали совсем; поезд поднялся в воздух и бесшумно помчался вперед; ниоткуда не доносилось ни звука, "Дон Диего" остался на столике у постели, и я поплотнее запахнул пальто и лег на сиденье, подобрав под себя ноги; меня все еще знобило, отовсюду тянуло холодом, и за окном не было видно ни огонька.

